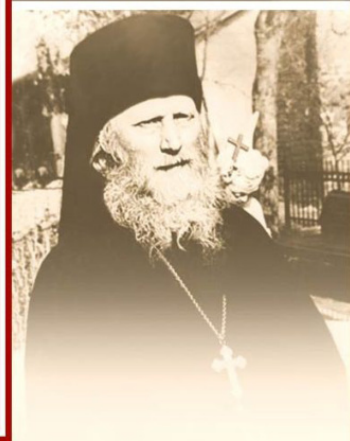

ТРУЖЕНИК БОЖИЙ

*Жизнеописание
архимандрита Наума
(Байбородина)*

**Труженик Божий.
Жизнеописание архимандрита
Наума (Байбородина)**

«Сибирская Благовонница»

2022

УДК 291.6
ББК 86.375

Труженик Божий. Жизнеописание архимандрита Наума
(Байбородина) / «Сибирская Благовонница», 2022

ISBN 978-5-00127-346-2

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой подробное жизнеописание архимандрита Наума (Байбородина; 1927–2017), духовника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, хорошо известного в России и далеко за ее пределами. Основанное на архивных документах, а также воспоминаниях ныне здравствующих и уже отошедших ко Господу духовных чад Батюшки, оно рисует благодатный многогранный облик Старца – удивительного человека, в котором соединились воин, монах, делатель умно-сердечной молитвы, всенародный духовник, строитель храмов и монастырей по всей России, просветитель и богослов, наставник множества монашествующих и мирян, молитвенник за нашу страну и весь мир. Мы в максимальной полноте собрали все, что известно о Батюшке, в надежде, что не только его слова, но и сама его жизнь послужит примером и вдохновит многих и многих людей трудиться во благо своей души и души ближнего. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 291.6

ББК 86.375

ISBN 978-5-00127-346-2

, 2022

© Сибирская Благовонница, 2022

Содержание

От редакции	6
Глава 1. Род Байбородиных	11
Дальние предки Старца	12
Поселенцы на Вилегодчине	15
Переселение в Сибирь	19
Глава 2. Подвиг веры	27
Путем Авраама	28
На новом месте	32
Лихолетье	36
Материнский подвиг	44
Глава 3. Годы скитаний	49
Раскулачивание и коллективизация	50
Беды Мало-Ирменки	57
Переезд на Дальний Восток	60
Судьбы семьи Байбородиных	64
В Советской Гавани	66
Переезд в Киргизию	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Труженик Божий. Жизнеописание
архимандрита Наума (Байбородина)
(авт.-сост. иером. Нектарий (Соколов))**

© Иеромонах Нектарий (Соколов), текст, 2022

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2022

* * *

От редакции

13 октября 2017 года преставился ко Господу архимандрит Наум (Байбородин), благодатный Старец, духовник Троице-Сергиевой Лавры. С тех пор прошло больше пяти лет, а до сих пор кажется, что это было только вчера. В тот дождливый октябрьский день, когда отпевали Батюшку, все его духовные чада почувствовали: вместе со Старцем ушла целая эпоха как в истории Церкви, так и в жизни всех людей, на судьбы которых он так или иначе повлиял. И кроме боли утраты пришла грусть от того, что пройдут годы, и всё, что хранит наша память о Батюшке, уйдет вместе с нами.

Сейчас, когда воспоминания о Старце живы среди его духовных чад, не проходит и дня, чтобы кто-либо из них не пришел на его могилку за алтарем Свято-Духовской церкви – чтобы отслужить заупокойную литию или панихиду либо просто помянуть его, приложиться ко кресту и вознести молитву. И сердце того, кто знал и помнит Старца, непременно получает при этом благодатное уверение в его непреходящей любви и заботе. И очень хочется, чтобы тот лампадный огонек, что зажигается ежедневно у могильного креста архимандрита Наума, не гас, чтобы он светил всем проходящим еще многие и многие годы, чтобы как можно больше людей узнавали о Батюшке и могли прикоснуться к тому свету и любви, которые всегда исходили от него.

Для нас было несомненно, что образ Старца нужно сохранить для последующих поколений православных христиан. Это необходимо еще и потому, что человеческая память ненадежна: какие-то подробности она опускает, а что-то сохраняет в искаженном виде. Значит, нужно как можно скорее опросить всех, кто любит и помнит Батюшку, ведь пройдет по историческим меркам совсем немного времени, и просто не к кому будет обратиться за такими ценными сведениями – к сожалению, люди не вечны, и все, кто имел счастье знать отца Наума, разговаривать с ним, рано или поздно уйдут в мир иной. Но книги живут дольше, чем люди. И через печатные страницы всё новые и новые православные христиане смогут узнавать о почившем Старце и прибегать к нему, как к живому, за помощью в житейских неприятностях и решением духовных вопросов, как это было и при его жизни.

Так родилась идея создания той книги, которую вы сейчас держите в руках. В ней мы решили собрать в максимальной полноте все, что известно о жизни отца архимандрита Наума, основываясь при этом исключительно на документах, а также на воспоминаниях о нем разных людей, знавших Батюшку в тот или иной период его жизни.

Для того чтобы это осуществилось, предстояло проделать большую и трудную работу: побывать в самых разных местах, куда жизнь забрасывала отца Наума или где живут и трудятся его многочисленные чада, встретиться со множеством людей и записать их воспоминания, поработать в архивах с документами. Это – очень большой труд, связанный к тому же с постоянными переездами. Было совершенно очевидно, что его может взять на себя не всякий. И мы стали думать, к кому же нам обратиться с этим важным и нелегким делом. И первый, о ком мы подумали, был иеромонах Нектарий (Соколов), который довольно давно является близким духовным чадом Батюшки. К нашей радости, когда мы поделились с отцом Нектарием нашей задумкой и предложили взять на себя составление большой документированной биографии Старца, он согласился и сразу же с энтузиазмом включился в работу. Тогда же совместно с ним мы определили концепцию и состав будущей книги.

Книгу было решено построить как последовательное повествование о жизни Батюшки. Нам показалось очень важным описать не только саму биографию отца Наума с рождения и до блаженной кончины, но и проследить истоки твердого, истинно сибирского характера нашего духовника, для чего было необходимо углубиться в его родословную, разыскать его родственников и расспросить их о предках Старца. Получившийся весьма поучительный экс-

курс в историю, предпосланный жизнеописанию Батюшки, мы предлагаем вниманию благочестивого читателя в первых двух главах этого издания.

Конечно, мы понимали, что едва ли в пределах одной книги можно рассказать обо всех трудах, понесенных отцом Наумом за его долгую и деятельную жизнь. Многие из них и до сих пор остаются ведомыми лишь одному Богу. Но мы уверены, что хотя бы о главных из них сказать необходимо – и не потому, что многочисленным еще живым чадам Старца хотелось бы похвалиться своим духовником, и даже не для того, чтобы прославить почившего доброго пастыря по его несомненным заслугам. Главным в жизни отца Наума всегда было одно наиболее важное делание – он всегда старался во всем и прежде всего искать волю Божию и следовать ей. Оттого и вся его собственная жизнь оказалась наполнена столь явным действием Промысла Божия и Его воли, что, рассказывая о ней, мы говорим главным образом о тех спасительных вмешательствах и руководстве Божественного Промысла в жизнь человечества, о которых свидетельствуем как христиане перед лицом всего мира.

Также мы отдавали себе отчет в том, что, хотя наша книга будет посвящена архимандриту Науму (Байбородину), в ней невозможно будет не упомянуть и многих из его современников и сотрудников на поприще монашеского делания и старческого служения. При жизни отец Наум никогда не искал славы человеческой, и многие из его трудов оставались тайными не только для широкого круга, но даже для собратий. Как и должно быть у монаха, жизнь его протекала втайне, несмотря на всенародную известность как духовника. Только сейчас, после его блаженной кончины, появилась возможность приоткрыть некоторые из его начинаний и дел, по которым можно судить о том, насколько напряженной и насыщенной была ежедневная деятельность Старца, устремленная к одной цели – вернуть красоту и истину Православия в нашу жизнь. Но рассказ об этом был бы невозможен без упоминаний и краткого описания биографий людей, встречавшихся на жизненном пути отца Наума. По этой причине мы позволили себе в книге, посвященной жизнеописанию Батюшки, довольно много внимания уделить и другим людям, без рассказа о которых оно было бы неполным. По нашему твердому убеждению, портрет отца Наума – это и отображение эпохи, в которую он жил и которая неотделима от него, а потому этот портрет складывается из совокупности множества событий и лиц, оказавших на судьбу Старца свое влияние.

Уже в процессе работы над книгой для нас стало понятно, что собранный нами материал просто неспособен будет уместиться в одном, пусть и внушительном по размеру томе. Между тем тогда мы еще не побеседовали и с половиной людей, любезно согласившихся поделиться с нами своими воспоминаниями. Мы предполагали, что общий объем этих воспоминаний будет очень велик, так как разные грани образа Старца в свою очередь отразились в судьбах великого множества других людей, каждому из которых он открылся какими-то своими важными и ценными для нас чертами. В этом смысле лаврский духовник архимандрит Наум (Байбородин) уже давно перерос масштаб человеческой личности, став почти историческим явлением, – столь большое влияние он оказал на жизненный путь сотен и тысяч людей не только в России, но и за рубежами нашей огромной Родины.

И это предположение оправдалось. В конце концов в наших руках, кроме большого числа подлинных уникальных документов, многие из которых до сих пор практически никому не были известны, оказались записи более полутора сотен воспоминаний о Батюшке. К сожалению, далеко не все из них получилось бы не только процитировать, но даже упомянуть в рамках одного тома. Поэтому нами было принято решение издавать книгу в двух томах. Первый том сейчас находится перед вами. Это наиболее полная из возможных биография Батюшки, основанная на документах и воспоминаниях знавших его людей. Работа над вторым томом ведется в настоящее время, когда вы читаете эти строки. В него войдут самые интересные рассказы людей, знавших Старца и близко общавшихся с ним, которыми мы располагаем. Просим молитв благочестивого читателя о тех, кто принимает участие в этой большой работе.

Хотим поблагодарить всех, кто терпеливо ждал выхода этого издания, молился о том, чтобы это наконец-то произошло, желал помощи Божией автору-составителю в его непростой работе. За то время, когда писалась эта книга, вышло уже немало других книг о Старце, в значительной степени успевших удовлетворить читательский интерес к его наследию. К сожалению, никакое большое духовное дело не остается без сопротивления со стороны врага рода человеческого. С самого первого дня работы на автора-составителя обрушилось множество искушений, целая масса срочных послушаний и других неотложных дел, которые никак нельзя было отменить. Были и другие неприятности, связанные непосредственно с процессом написания текста. Дело доходило до того, что однажды из-за неполадок в компьютере был потерян значительный фрагмент будущей книги, который пришлось переписывать заново с нуля. Происходила досадная путаница и с иллюстрациями, случавшаяся будто бы на ровном месте. И даже на последнем этапе подготовки книги к печати не обошлось без помех. Но чем больше было трудностей, тем сильнее мы ощущали невидимую помощь Батюшки, который, верим, незримо молится за нас и направляет наши стопы в нужную сторону, как он это делал и при жизни. Также мы чувствовали и молитвы тех, кто ожидал выхода этой книги и надеялся на скорейшее окончание работы над ней.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто нашел время, силы и желание поделиться с нами личным опытом общения с отцом Наумом или разрешил использовать прежде опубликованные материалы для этой книги. В тех случаях, когда воспоминания цитируются по какому-нибудь из этих или других изданий, они снабжены сноской с указанием выходных данных и страниц. Если же приводимый текст не сопровождается сноской, это означает, что рассказ приводится либо по аудиозаписи, сделанной иеромонахом Нектарием, либо относится к его собственным воспоминаниям. В таких случаях, чтобы не усложнять текст обилием сносок, точные отсылки к источнику информации опущены.

Во время работы над сбором материала для этой книги иеромонаху Нектарии довелось встретить множество людей, готовых поделиться своими воспоминаниями о Батюшке. Отец Нектарий вспоминал, какая это была радость – встречать людей, близко знавших Старца! Во время разговора о своем духовном отце они буквально преображались: светлели глаза, оживлялась речь и в комнате разливалось то самое удивительное тепло, которое помнят все когда-либо имевшие счастье разговаривать с Батюшкой. Наверное, это было примерно то же самое, что ощущали ученики Христовы, задавая себе вопрос: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?* (Лк. 24, 32).

Нередко после такой беседы о Батюшке, рассказывал отец Нектарий, мы делились общим чувством, что наш духовник незримо присутствует здесь среди нас прямо сейчас. Говорить о нем, вспоминать его было большой радостью. Спасибо всем, кто поделился этой радостью с нами, – в первую очередь, конечно, для того, чтобы и мы смогли поделиться этим светом памяти со всеми нашими читателями – теми, кто знал Старца, и с теми, кто только познакомится с ним, прочтя эту книгу. Память об общении с праведником – это свет, и чем больше делишься этим светом, тем больше его становится. А от этого лучше всем.

В церковных богослужебных последованиях молитвенное упоминание апостолов и святителей обычно предшествует призыванию и поминовению святых мучеников и преподобных. Этим выражается та мысль, что их подвиг для Церкви стоит в некотором роде выше, чем даже страдания святых мучеников и бескровное мученичество преподобных монахов. Дело в том, что добродетели последних являются делом их личного совершенствования и личной святости, в то время как подвиги апостолов и святителей направлены на пользу всей Церкви, и, помимо забот о собственном духовном преуспеянии и совершенстве, на них лежит еще и служение благовестия, просвещающее светом Истины тысячи и тысячи погибающих душ. Конечно, это несколько общий подход, и в сознании верующих тот или иной святой обретает любовь и почитание вне зависимости от принадлежности к какому-либо чину.

Как написал в одном из своих стихотворений почивший схиигумен Лавры отец Виссарион (Великий-Остапенко), отец Наум в своей жизни «зря не тратил ни минутки». Он был всецело сосредоточен на труде в винограднике, к которому призвал его Господь среди «тягости дня и зноя» (см. Мф. 20, 12) советских лет, и этот труд, конечно же, заслужил не только вознаграждения в Царствии Небесном, но и нашей земной благодарности. Поэтому в этой книге хотелось бы рассказать и о непрестом жизненном и духовном пути старца, и о его подвигах, трудах и добродетелях, которые старался он скрывать при жизни, – о чем всегда и повествуют жизнеописания подвижников Православия. Но важно поведать также и о тех апостольских по своему масштабу трудах, которые он нес на благо Русской Церкви и всего Православия.

Действительно, труды и деятельность отца Наума (мы дерзаем это утверждать) превышали обычные заботы монастырского духовника и просто хорошего монаха. Проведя большую часть жизни в стенах Троице-Сергиевой Лавры, он при этом сумел расширить свое пастырское попечение далеко за ее пределы. Границы этого попечения простирались, как ни смело это может звучать, на все Святое Православие и даже на тех, кто пока еще находится вне Церкви. Любовь ко Христу и искупленному Им человеку заставляла боголюбивую душу старца скорбеть и молиться за весь мир. Но, помимо этого преподобнического подвига, отец Наум еще и деятельно радел о благовестии Православия везде, где только представлялась такая возможность, хотя, как преданный сын Русской Церкви, он в первую очередь заботился о ее благе.

Живо интересуясь историей нашей Родины и стараясь понять замысел Божий о ней, Старец устремлял мысли и в будущее. Стараясь предостеречь своих духовных чад от возможных опасностей, которые всегда поджидают воинов Христовых в их невидимой брани, отец Наум неоднократно посылал к старцам и прозорливцам, которым Господь открывал грядущие судьбы мира. Сейчас, когда мы готовим эту книгу в печать, не один раз приходят к нам воспоминания об удивительной прозорливости Батюшки, соединенной с поразительным смирением. Господь открыл ему грядущие судьбы мира и нашей Родины в таких подробностях, что это не может не поражать. Однако, не желая обнаруживать перед окружающими бывшего ему откровения, он настойчиво посылал одного из своих духовных чад к какому-то старцу Афанасию. «Нужно найти старца Афанасия, – говорил отец Наум. – Он грек. Ему Господь открыл будущее».

К какому отцу Афанасию? Где его искать? Но мы знали, что Батюшка никогда ничего не говорит просто так. Поэтому сразу же начались поиски этого неведомого старца. Оказалось, что действительно в Греции живет отец Афанасий. Духовный сын Батюшки смог привезти с собой в Лавру странички, на которых была записана беседа этого старца на греческом языке. Получив эту рукопись, отец Наум был очень доволен – это и было то, ради чего он посылал в Грецию своего человека.

Наконец перевод этого документа был закончен. Каково же было наше изумление, когда оказалось, что рукопись представляет собой подробное пророчество о дальнейших судьбах мира! И не последнее место в этих пророчествах занимала наша страна. И теперь, следя за событиями, развивающимися прямо на наших глазах на Украине, невольно изумляешься и приходишь в ужас: все развивается будто по сценарию, записанному в этой греческой рукописи. Остается только удивляться смирению Старца: получив откровение о грядущих судьбах мира, он не хотел обнаруживать свои дарования, а потому просто ждал, доверяясь Промыслу Божию, когда его духовные чада узнают обо всем из других источников. И теперь, открывая Батюшкины книги (например «Кончину мира», выпущенную нашим издательством в 2020 году), невольно думаешь о том, как Батюшка заботился и беспокоился обо всех нас и обо всем Православном мире.

Впрочем, не будем больше отвлекать внимание читателя от главного – от личности Старца. Поистине он был тем столпом веры, который воздвиг Господь для защиты Своего расхищаемого виноградника – гонимой Русской Церкви. Он имел дар передавать приходившим

к нему свою веру, закаленную испытаниями советского времени, помогал людям менять свою жизнь и направлял на верную дорогу к Царствию Небесному. Верим, что Господь дал ему дерзновение делать это и сейчас. Потому что такие праведники, как он, не умирают. Они всегда живут у Господа и в наших сердцах.

Глава 1. Род Байбородиных

Вилеготская волость на карте Перми Великой. Фрагмент карты из «Чертежной книги Сибири», составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. 1701 г.

Дальние предки Старца

По своему происхождению отец Наум был плоть от плоти боголюбивого русского крестьянства, что наложило глубокий отпечаток на весь склад его личности и всю его жизнь. Конечно, далеко не все русские крестьяне жили святой жизнью – везде встречаются люди разные, и одна лишь принадлежность к сословию не говорит о нравственных качествах человека. Но все же благочестивому русскому крестьянству в лице лучших его представителей были свойственны многие добрые черты, воспитанные тяжелым трудом на родной земле и многими поколениями верующих предков.

Поэтому во все века среди монахов Святой Руси было много выходцев именно из крестьянства – сам образ жизни зачастую уже готовил человека к монастырю. Недаром преподобный Силуан Афонский говорил, что хотел бы иметь такого старца, каким был его отец – простой и неграмотный тамбовский крестьянин, который хоть и читал «Отче наш» с ошибками, однако был кротким и мудрым человеком. Труд на земле с молитвой делал русского крестьянина кротким и терпеливым, привычным к тяжелой работе ради пропитания себя и своих близких.

Семьи, как правило, были большими; пять и даже десять детей в них не были редкостью, и потому каждый ребенок с детства приучался служить своему ближнему, помогать и заботиться о других. В таких больших семьях соблюдалась строгая иерархия, и слово главы было законом для младших. Даже если это были уже взрослые и женатые люди, перечить старшему в роду они не имели права, рискуя навлечь на себя нешуточное наказание в случае неповиновения. Так человек приучался к послушанию – важнейшей добродетели монастырской жизни, одинаково необходимой ему и в миру, и в монастыре.

Непростые условия, в которых занимался своим трудом русский крестьянин, заставляли его приобретать не только трудолюбие, но и смекалку, изобретательность и практическую хватку. Суровая русская природа не прощала ни лени, ни ошибок. Для того чтобы вести здесь хозяйство, надо было очень многое научиться делать самому, не ожидая помощи других людей, до которых зачастую были сотни верст пути. Поэтому крестьянин приучался не бояться трудностей, привыкал выживать в любых обстоятельствах, полагаясь не на чьи-то руководства и инструкции, а на собственные голову и руки. Благодаря этим чертам русский человек освоил далекий неприютный Север, огромные пространства Сибири и Дальнего Востока, через которые добрался даже до Америки.

Однако, несмотря на все усилия, умения и смекалку, результат упорного труда русского крестьянина все равно нередко оставался непредсказуемым. Слишком многое в зоне «рискованного земледелия», к которой относится подавляющая часть русских земель, зависело от капризов переменчивого климата. То сушь, то дождь, то ведро, то снег, то зной – вот и получалось, что сколько бы ни старался труженик, а об урожае оставалось только молиться. Так с детства и заучивал русский крестьянин, что «без Бога – ни до порога», молился сам и учил молиться детей и внуков.

А поскольку молитва без добрых дел – как птица без крыльев, то старался сельчанин жить всегда в страхе Божиим и в церковной ограде, видя в богослужении не тяжкую повинность, а жизненную необходимость – и, конечно же, красоту. Хотя многие крестьяне были неграмотны, но, внимательно вслушиваясь в церковное чтение и пение, развивали ум и укрепляли веру, приобретая с годами мудрость и рассуждение.

Так и проводил свою жизнь русский крестьянин в миру, словно в монастыре, в точности по старинной поговорке: «Свет инокам – Ангелы, свет мирянам – иноки». И если уж доводилось ему вступить в монастырское братство, то здесь находил он много знакомого и сродного себе с детства, вливаясь в монастырскую жизнь, как в родную стихию. Тем более что известна

она была ему и по опыту «хождений на богомолье» – паломнических путешествий к ближним и дальним святыням, в которые крестьянские семьи порой отправлялись почти в полном составе. Во многих местах существовал обычай отправлять юношей и девушек на воспитание в монастыри на полгода или год перед тем, как для них должна была начаться взрослая жизнь, – тем более что в монастыре нередко уже подвизался кто-нибудь из родни и мог присмотреть за молодежью. Обычай этот был очень распространенным – архангельские поморы, например, считали обязательной частью воспитания юноши год, проведенный в послушниках Соловецкого монастыря.

Хотя отец Наум родился уже в то время, когда весь вековой уклад благочестивой крестьянской жизни стремительно разрушался, однако веру предков трудно было искоренить в первом же поколении рожденных в Стране Советов. А то, что происходил отец Наум из старинного крестьянского рода, известно из истории его семьи.

В миру будущего Старца звали Николай Александрович Байбородин. Фамилия Байбородин – редкая, ее можно встретить не в каждом словаре и справочнике. Необычным образом соединились в ней два не самых примечательных слова – «бай» и «борода». Слово «бай» – того же корня и значения, что и старинное русское слово «баять», то есть «говорить», «рассказывать»¹. Мы до сих пор, не задумываясь об изначальном смысле этого корня, используем его в нашей речи, когда говорим, что кто-то – «обаятельный» или же рассказывает нам «байки». Этим же словом могли назвать и хорошего рассказчика, речистого человека, а вот слово «байбора» или «байбола» еще в XIX веке служило прозвищем болтуна или пустомели². Прозвище же «байборода» могли дать человеку, который в своей жизни имел две отличительные особенности: хорошую речь и заметную бороду – а ведь и то и другое высоко ценилось у русских крестьян.

Неизвестно, кем был тот самый первый речистый бородач, что дал имя целому роду, однако прозвище это мы встречаем уже в самом начале XV века во Второй Псковской летописи под 1406 годом (вернее, под 6914-м, по принятому тогда летописному исчислению «от Сотворения мира»). В тот богатый напастями год, отмеченный коварным нападением литовского князя Витовта на Псковские пределы, случилось еще одно бедствие, достойное запечатления в летописи. В самый Духов день, пришедшийся тогда на 31 мая, в городе разразился страшный пожар, от которого выгорел едва ли не весь деревянный Псков. Начался же он от дома Оксентия (Авксентия) Байбороды, вероятно всем здесь хорошо известного, поскольку летописец не находит нужным уточнять, кто это, упоминая дом этого человека в качестве понятного каждому ориентира³.

Больше нам, к сожалению, ничего не известно ни о псковиче Авксентии Байбороде, ни о его ближайших потомках, которые могли унаследовать это прозвище в качестве «родового», то есть фамилии. Но одно мы знаем точно: тот случившийся в 1406 году памятный пожар оказался далеко не самым тяжким бедствием в истории города. Вероятно, бурная история Пскова в последующие два века и побудила наследников рода Байбороды поискать счастья в других местах.

С середины XV века вольная Псковская республика подпала под жесткую власть московских наместников, старавшихся править твердой рукой без особой оглядки на вече и местные законы, а с 1510 года и вовсе лишилась былой независимости. Как ни бунтовали и ни восставали вольнолюбивые псковичи, пришлось им все же смириться перед новыми московскими

¹ См., например: Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1 (А – Б). М.: Наука, 1975. С. 83; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб., 1847. С. 26; Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филинов. Вып. 2. М.; Л.: Наука, 1966. С. 52–53; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Томъ первый. А – К. СПб., 1893. С. 46–47.

² См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 1. М., 1863. С. 34.

³ См.: Псковская вторая летопись (6913–6915 гг.) // ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 19.

порядками. И чем дальше, тем зависимость от этой власти становилась все тяжелее – особенно для крестьян.

Те же, кто хотел сохранить прежнюю вольность, вынуждены были отправляться в края, где свободы пока оставалось больше. Так и разбрелись Байбородины по широким просторам Московского государства, хотя куда и когда именно, сказать сейчас невозможно. В 1624 году встречаем мы крестьянина Бориса Байбородина в пределах Нижнего Новгорода. Позже носители этой фамилии жили и в поволжском городе Ярославле⁴.

⁴ См.: *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. С. 20.

Поселенцы на Вилегодчине

Хотя мы и не можем сейчас говорить об этом с полной уверенностью, однако основная часть рода Байбородиных, по-видимому, двинулась из Пскова на Север, на Вилегодчину, – в земли, расположенные на лесных берегах реки Виледь. Места эти, лежащие севернее Вологды и южнее Архангельска, еще с XII–XIII веков начали осваиваться новгородскими *хлынами* и *ушкуйниками* – речными пиратами, торговцами и колонистами, прямыми «идейными» наследниками буйных викингов.

В XIV веке, с основанием города Хлынов и образованием Вятской республики, сюда перебралась практически вся новгородская вольница, которой давно уже было тесно в Господине Великом Новгороде. На своих быстроходных судах-ушкунях (от которых и получили они свое прозвище) вятские ушкуйники совершали буйные набеги на Скандинавию, на Булгар и Золотую Орду, не раз разоряли ордынскую столицу Сарай-Берке, забирались в Зауралье и Западную Сибирь, а порою грабили и русские города, участвуя в междоусобицах того времени. Но под защитой этого грозного речного братства русские колонисты из Новгорода и Пскова могли спокойно селиться на новых землях до самого Приуралья, не страшась ни коми-зырян, ни черемисов, ни вогулов.

Здесь места тогда слыли богатыми и, хоть и не слишком годились для земледелия из-за болот и суровых северных морозов, предлагали множество возможностей для торговли и промыслов. Оттого и спорили за эти земли в XV веке Новгород, Великий Устюг и вольная Вятка. Край этот изобилвал соляными варницами и пушшиной. А ведь и то и другое было жизненно важным для всего Московского государства, где без соли для заготовок и мехов для тепла долгую зиму пережить было невозможно. Так что селившийся здесь народ варил соль и занимался охотой и рыбалкой, продавая соседям плоды своих трудов. Еще больше пушнины можно было получить на Урале и в Сибири, с обитателями которых вилегодцы вели активную торговлю. Немалым подспорьем были также борти, с которых собирали воск и мед богатого северного разнотравья.

Так постепенно, век за веком сложился здесь, на берегах петляющей среди дремучих лесов и болот Виледи, особый народ – вилегодцы. Русские переселенцы из Новгорода, Пскова и других краев постепенно смешались с коми, начало крещения которых в здешних местах положил еще святой Стефан Великопермский. Местные жители и пришельцы жили без особых усобиц, по крайней мере ни из летописей, ни из преданий народных о них ничего не известно.

К началу же XVII века местные коми уже считали себя русскими – что вообще свойственно было нашей истории с древности. Слово «русский» у нас всегда означало «православный», и принимавшие крещение финно-угры начинали именоваться «русскими» как среди своих соплеменников, так и среди славян. Сами вилегодцы, относя себя, конечно же, к русским людям, малую свою родину при этом отделяли от прочих земель, именуя Вилегодчиной. «Вилегда и Вологда одной буквой отличаются, – говаривали местные мужики, – а разница большая!» Действительно, несмотря на сравнительную близость Вологодских краев к Вилегодчине, разница между ними ощущалась уже «на слух» – не встретить здесь было характерного «окающего» вологодского говора. Вилегодцы разговаривали на свой собственный манер – плавно и певуче.

Шаг за шагом крепкая власть единого Московского государства добралась и до этих мест. В конце XV века рухнула под ее ударами Вятская вечевая республика. Самые непокорные удалыцы были переселены ближе к Москве и на южные границы царства или же успели бежать на Волгу и Дон, где как раз складывалось вольное казачество. Те же, кто остался, должны были проститься с былой свободой, все более и более превращаясь в зависимое крепостное крестьянство, как и на большей части Московских земель.

С XVI века в соседнем Сольвычегодске начинает возвышаться род промышленников и купцов Строгановых. К концу этого столетия Строгановы получают власть над неохватными просторами Приуралья, Урала и Западной Сибири. Что же до вилегодских крестьян, то в XVII–XVIII веках они превращаются в крепостных огромной строгановской «империи», вернее, «майората», как начинают называться тогда владения графов и баронов Строгановых. Прежним вольностям вилегодцев настал конец.

Конечно, Строгановы на своих землях старались развивать соляные, охотничьи и рыболовные промыслы, существовавшие здесь издавна, но права на все уголья принадлежали теперь им. Многим вилегодцам пришлось теперь все больше приучаться к занятиям сельским хозяйством, на которое в условиях Крайнего Севера приходилось затрачивать намного больше усилий, чем в хлебородных областях, находящихся южнее. Здесь же за короткое лето не успевали вызреть ни пшеница, ни даже рожь, а потому из зерновых культур можно было сеять только неприхотливые ячмень и овес. Крестьянский труд на Вилегодчине требовал не только большего усердия, чем в иных местах, но и величайшей изобретательности.

Пригодная для обработки земля располагалась главным образом в пойме реки Виледь, где и возникли практически все поселения вилегодцев. Остальные же земли были не просто покрыты густыми лесами, но на многие версты здесь тянулись непроходимые болота. Зыбкие «мшавы», как называли на Вилегодчине покрытые чахлым лесом и зелеными мхами болотистые просторы, чередовались с торфяными «вадьями» – бездонными темными полыньями, готовыми вмиг засосать неосторожного человека, и с коварными изумрудными «чарусами», сверху покрытыми цветами и травой, однако губительными даже для мелкого зверя.

И вот на этих гиблых болотах и лесных лужайках умудрялся вилегодский крестьянин накопить на зиму по пять-шесть возов сена для своих коровиц-коровенок. Заливных лугов для стад было недостаточно, и оттого приходилось работающему хозяину в сенокосную пору отправляться за тридцать верст от дома и ехать лесами на свои покосы, несколько верст затем преодолевая пешком по непроезжим тропинкам, а непроходимые болота преодолевая ползком на четвереньках с двумя жердочками в руках. На островках среди болот косил он траву, страдая от безжалостной болотной мошки и комаров, от которых не спасают ни дым, ни деготь, так что к концу дня лицо от укусов распухает так, что глаза превращаются в узкие щелки. А в жаркий полдень мошка и комарье уступают место слепням и оводам, что больно жалят и людей, и скотину.

Но без этого тяжелого и мучительного труда не запasti было вилегодцу достаточно сена, а без него скотине не выжить долгой северной зимой. Без скотины же не будет не только молока и знаменитого северного масла – не будет навоза, которого много может скопиться за зиму, пока весь скот стоит в стойле. А не будет навоза – нечем станет удобрять местную тощую землю, где сплошь песок да суглинок, и ждет тогда хозяина еще и неурожай. Так приходилось вилегодцам проявлять упорство и изобретательность, чтобы научиться вести хозяйство там, где делать это было заведомо сложно и несподручно.

И хоть не родились здесь ни рожь, ни пшеница, так что хлеб приходилось покупать в более южных областях, зато хорошо росли лен и конопля. Пришлось вилегодцам освоить непростую и трудоемкую технологию производства льняных и посконных (то есть сделанных из волокна конопли) тканей. Мало-помалу научились они изготавливать ткани такого качества, что отбою от покупателей не было, и производство это стало приносить хороший доход. Причем покупали их не только в России, но и за границей уже с середины XVI века.

Английский купец в России

Началась эта зарубежная торговля вилегодцев в августе 1553 года, когда в устье Северной Двины вошел английский корабль «Эдуард Бонавентура» под командованием Ричарда Ченселора. Это был один из трех кораблей сэра Хью Уиллоби, отправленных королем Эдуардом VI на поиски северного пути в Китай и Индию, – и единственный, которому повезло сохраниться в этом опасном походе. Британцы были весьма удивлены, узнав, что вместо Китая оказались в Московии, однако быстро оценили выгоды своего открытия.

Вскоре с разрешения царя Иоанна Грозного была учреждена британская Московская компания, получившая исключительные права на торговлю с Россией, которые она сохраняла вплоть до конца XVII века. Среди прочего компания занялась скупкой русских льняных и конопляных тканей, так что вскоре практически все корабельные канаты королевского флота стали изготавливаться из русской пеньки, немалая часть которой производилась на берегах Виледи. Так вилегодцы, потеряв одни выгодные промыслы, приобрели новые, помогавшие им крепко стоять на земле их сурового северного края.

Да и развитие торгово-промышленных предприятий всесильных Строгановых вскоре стало приносить немалую выгоду и вилегодцам. Освоение Строгановыми Урала и Сибири открыло русскому человеку новые просторы для новых возможностей. И год от года из Московских земель на Восток текло все больше и больше переселенцев. Кто отправлялся в путь в поисках лучшей жизни, а кто и подневольно, по царскому указу. Через глухие прежде леса пролег оживленный тракт, связавший европейский центр государства с бескрайней Сибирью и ее богатствами, – и шел он как раз по землям Вилегодчины вплоть до конца XVIII века.

Этот оживленный торговый путь преобразил вилегодскую глушь. Проезжим людям нужны были постой и еда, фураж и свежие лошади и еще множество всякой всячины, так что в вилегодских селах закипела торговля, и дела местных жителей пошли в гору. Именно тогда вилегодцы возвели здесь первые каменные храмы, да и свои собственные дома стали строить широко, из вековых неохватных деревьев.

Именно благодаря этим новым каменным храмам мы теперь точно знаем, что, по крайней мере, в конце XVIII века на землях Вилегодчины уже не в первом поколении жили потомки рода Байбородиных. «Исповедские книги», которые велись в Синодальный период при каждом храме, отмечали на своих страницах все наиболее важные события в жизни прихожан: крещение, венчание и отпевание, а между ними порой и частоту приступания к Таинствам исповеди и причастия, или, как тогда выражались, «говения».

В «исповедских книгах» Свято-Преображенского храма Спаса-на-Виледи, что стоял в селе Павловском, с 1791 года имеются сведения о восьми поколениях Байбородиных, живших в приходе этого храма в деревне Петрушинской тогдашней Северо-Двинской губернии. Более ранних записей при церкви не сохранилось, но очевидно, что к 1791 году Байбородины были людьми не новыми и пришлыми, а уже давно и крепко пустившими корни на этой земле. Так что кажется вполне возможным, что это и были те самые потомки псковича Авксентия Байбороды, возможно покинувшие родные пределы еще в XV веке как из-за личных невзгод (пожар), так и из-за перемен в жизни всего их родного города, заставивших искать лучшей доли на вилегодском Севере.

Здесь и выковался у Байбородиных крепкий северный характер, доставшийся по наследству отцу Науму. Упорство, трудолюбие и терпение соединялись в нем с вдумчивостью, изобретательностью, желанием и умением учиться чему-то новому – ведь всего этого требовала от крестьянина едва ли не ежедневная необходимость преодолевать всевозможные трудности. Недаром впоследствии, уже в советское время, вышло из этих мест немало число талантливейших ученых, изобретателей, крепких государственников и хозяйственников. Даже знаменитые рубиновые звезды, украсившие башни Московского Кремля, были изготовлены под руководством вилегодца Серафима Михайловича Бреховских из особого прочнейшего стекла, которое он изобрел.

Кругозор вилегодского крестьянина отнюдь не замыкался собственным родным краем, как бы красив он ни был. Жизнь на Сибирском тракте, которым проходили и проезжали самого разного чина люди со всех концов России, давала ему представление о том, как живет его огромная Родина. Затем, когда в XIX столетии в Сибирь и на Урал пролегали новые торные пути, сместившиеся южнее, нужда заставила вилегодца самого отправляться на отхожие промыслы – как и многих подобных ему уроженцев северных губерний. В больших крестьянских семьях кто-нибудь из взрослых сыновей уходил надолго, возвращаясь в родные края лишь раз-два в год на краткие побывки, кто-то оставлял свой дом зимой, когда кончались полевые работы и было вдоволь свободного времени.

Рукодельный и мастеровитый вилегодский мужик, и сам владевший многими ремеслами, без труда при необходимости учился чему-то новому на стороне. Рабочие руки его пригодились и в Питере, и в Москве, валили архангельский лес и бурлачили на Волге. А возвращаясь к родному очагу, вилегодец щедро делился с охочими слушателями историями о своих похождениях, наподобие той, которой позабавил односельчан в родной деревне Зарниково Егор Иванович, недавно вернувшийся из странствия, что довело его до самого столичного Петербурга.

«– О, Питер – город большой! – рассказывал он собравшимся. – Дома там огромные! У нас во всей округе таких домов нет. А какие там большие магазины! Больше, чем дома. В Питере вывески на магазинах очень огромные. Буквы на вывесках с наш дом. Вот идем как-то раз мы с другом по Невскому проспекту, вдруг откуда ни возьмись падает такая огромная буква прямо на нас!

– Как же ты остался цел и невредим?

– Да ведь то был мягкий знак!»⁵

Не раз потом еще довольные слушатели просили балагура порадовать их каким-нибудь рассказом о Питере, его домах и магазинах. Шутку, веселый рассказ всегда любили и ценили в русской деревне. Любил их и Батюшка отец Наум, порой перемежавший серьезные наставления доходчивым и остроумным шутивым рассказом.

⁵ Сухих В.А. Воспоминания из недалекого прошлого Вилегодского народа. Котлас, 2010. С. 117.

Переселение в Сибирь

Этот широкий кругозор, привычка не бояться долгих дорог и чужих мест, приобретенная опытом отхожих промыслов вместе с опытом других встреченных им людей, делали виленца легким на подъем и готовым в случае необходимости отправиться искать свою судьбу в дальней стороне. К концу же XIX века необходимость в переселении стала возникать достаточно часто, а отмена крепостного права в 1861 году создала для этого требуемые условия.

За истекшие с принятия этой судьбоносной реформы полвека численность русского крестьянства в европейской части России выросла почти на треть, а размер среднего надела земли, приходившегося на каждую семью, уменьшился почти в половину. Прокормить себя и семью с такого маленького земельного участка становилось все сложнее, так что многие крестьянские семьи вынуждены были задуматься о том, чтобы, подобно их предкам-переселенцам, перебраться в другие места, где свободных земель было бы вдоволь. Потому со второй половины XIX века все больше крестьян Европейской России потянулись «со скоты и животы своими» в дальний путь – на Урал и Алтай, в Сибирь и киргиз-кайсацкие степи Средней Азии, на Дальний Восток, Кавказ и в Закавказье.

Колодец Е. И. Байбородина в Залесье

Благодаря военным успехам Российской империи в XVIII–XIX веках, когда было полностью разрушено разбойничье Джунгарское ханство, приведены к покорности среднеазиатские

эмиры и степняки, буйные черкесы, крымские и сибирские татары, заключен мир с цинским императорским Китаем, путь русскому человеку на Восток был открыт. Перед переселенцами лежали десять миллионов квадратных километров земли, ждавшей первопроходца и хозяина. Поэтому в конце XIX – начале XX века счет русским переселенцам шел уже тоже не на тысячи, а на миллионы.

Батюшка вместе со своими духовными чадами рядом с колодецем Ефима Ивановича в Залесье

Среди этих миллионов оказался и вилегодский крестьянин Ефим (Евфимий) Иванович Байбородин со своим семейством – женой Марией Степановной и детьми Григорием, Павлом, Алексеем, Афанасией и маленьким Александром. Ефим Иванович, родившийся в 1862 году, на момент переселения, предпринятого им в 1900-м, был уже человеком зрелым. Свидетельством его трудолюбия и крестьянских умений до сих пор остается в его родной деревне Залесье, что ныне относится к Вилегодскому району Архангельской области, собственноручно ископанный им колодець, пользоваться которым можно и до сего дня.

Ефим Иванович оставил на родной Вилегодской земле усадьбу и лишний скарб и отправился в дальнюю дорогу, что привела его в конце пути в Западную Сибирь. Здесь он и осел в Мало-Ирменке. Эта деревня самими ее жителями по-простому звалась Шубинкой и входила в состав Ордынской волости Ново-Николаевского уезда Томской губернии. Чтобы попасть сюда, переселенцам пришлось преодолеть почти три тысячи верст. Они двигались через Пермь и Екатеринбург, по Старому Московскому тракту на Тюмень и Омск.

Путь этот был необычайно долог и труден, полон опасностей и невзгод. Наверное, только выносливости русского крестьянина под силу было его одолеть. Лишь самые богатые переселенцы могли позволить себе запрячь в телегу пару лошадей, а тем более ехать двумя-тремя подводами на одну семью. Чаще всего на единственной повозке везли нехитрый домашний скарб, без которого не обойтись ни в дороге, ни первое время на новом месте. Сверх него в телеге могли поместиться лишь самые маленькие дети, старики – если такие были – да кто-нибудь из тех, кому случилось заболеть дорогой. Остальные члены семей переселенцев весь

этот далекий путь проделывали пешком да на босу ногу – ведь на такую дорогу никакой обуви не напасешься и лаптей не наплести.

Но часто у путников не было ни повозки, ни лошади – такие (их было не меньше половины) несли на плечах все свои пожитки. Эти люди были слишком бедны – не от богатства же и хорошей жизни решили они отправиться в такой путь, а от нужды, что заставляла их искать лучшей доли на чужбине.

На трактах ручейки переселенцев, выезжавших на большую дорогу из разных мест, сливались в целые караваны из сотни повозок и трех-четыре сотен семей. Вместе путь безопасней, да и есть кому помочь в случае нужды – всем миром легче защититься от дурного человека. Ночевали, как правило, не в гостиницах или на постоялых дворах – на это никаких крестьянских сбережений не хватило бы, – а прямо в поле, под телегой или у костра. Поэтому в путь старались отправиться с первыми теплыми днями – в конце марта, в апреле, чтобы снега и морозы не застали ни в пути, ни бездомными на новом месте, где еще надо было успеть обзавестись хоть каким-то жильем.

С. В. Иванов. На новые места. 1886 г.

В противном случае судьбой переселенца и его семьи мог стать какой-нибудь из тысяч безымянных придорожных крестов, что во множестве отмечали путь на Восток. Ведь и во второй половине XIX века он продолжал оставаться нелегким и опасным. Случалось, что кто-то в пути заболел и умирал; случалось, что, напротив, прямо в дороге рождался и вступал в жизнь чей-то младенец.

Порою путь в далекую Сибирь, не говоря уже о Дальнем Востоке, растягивался не на один год. Бывало, что потеря в дороге единственной лошади заставляла семью переселенца останавливаться там, где застала его эта беда, и наниматься у местных жителей в батраки, чтобы скопить денег на новую лошадь и продолжить прерванное путешествие. Ведь вплоть до 1906 года, до начала аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина, переселение в Сибирь было личным делом, предпринимавшимся на свой страх и риск.

С. В. Иванов. В дороге. Смерть переселенца. 1889 г.

Лишь в последние предреволюционные годы переселенец из Центральной России добирался в Сибирь с относительным комфортом – по железной дороге, в специально оборудованном «столыпинском» вагоне, где было отгорожено отдельное пространство для людей и отдельное – для крестьянской скотины. По сравнению с дорожным бытом переселенцев еще каких-то нескольких лет до начала реформы государственного освоения Сибири такой способ перемещения действительно был верхом удобства.

Да еще и немаленькую невозвратную ссуду стали выдавать колонистам на приобретение всего необходимого для обустройства на новом месте. Эти деньги требовалось отдать государству лишь в том случае, если переселенец принимал решение вернуться на прежнее место жительства. Однако таких за все время до революции оказалось меньше 20 процентов. Зато спустя полтора-два десятка лет новая власть обозвала удобные «столыпинские» вагоны уродливой кличкой «вагонзак» и, поставив на окна решетки и набив стойла для скота заключенными, повезла их осваивать бескрайние просторы «Архипелага ГУЛАГ» – но уже против воли и без какой бы то ни было денежной ссуды «на обустройство».

Всех этих будущих событий не мог, конечно же, знать вилегодский житель Ефим Иванович Байбородин, когда в первые теплые дни весны 1900 года отправлялся в далекую Сибирь. В его случае этот путь завершился в Ордынской волости. Дорога отсюда вела дальше на юг, к Алтаю, куда стремились многие переселенцы, или же еще дальше на восток – к Томску и Красноярску, в Забайкалье и Приморье. Но Ефим Иванович не захотел перемещаться дальше. Может быть, просто понравились ему здешние места и показались вполне пригодными для начала новой жизни.

Земли же эти и вправду оказались по-своему хороши, хотя, конечно же, сильно отличались от привычной Вилегодчины. На Русском Севере причудливо петляла среди высоких вековых лесов неширокая Виледь, оставляя длинные песчаные отмели и заливные луга там, где пролегло ее прихотливое русло. Зимой – морозы до минус 50°С да зарницы в темном северном небе, нежарким летом – белые ночи с мая по июль и марево туманов над густыми росными травами. Здесь же, в Сибири, зимы хоть тоже морозны, зато лето – долгое и жаркое, так что не только пшеница и рожь успевали вызреть, но даже и такая невидаль, как арбуз.

Вместо Виледи течет здесь Обь – в этих местах вовсе прямая и ровная и такой ширины, что свободно ходили по ней из Ново-Николаевска пароходы. А уж рыбой она была богата небывало, так что бреднем по весне можно было за два захода в реку наловить ведро. Сюда, в верхнее течение Оби, с поздней осени до весны рыба приходила целыми стадами, спасаясь от зимних заморозов, царивших в среднем и нижнем ее течении. По левому, высокому берегу впадают в нее две небольшие речушки – Орда и Ирменка, тоже в былые времена богатые и рыбой, и птицей.

Леса здесь, конечно, тоже не такие, как на Севере. Знаменитая тайга начиналась на другом берегу Оби, близ села Завьялова, и тянулась дальше на восток и на север. А здесь, по левобережью, открытые степные пространства прорезаются древними «ленточными» борами, что тянутся густыми полосками вдаль от обских берегов. Но и в этих борах довольно было и строевого леса, и дичи, и грибов с ягодами.

Снега здесь выпадает не в пример меньше, чем на Виледи, где его наметает по крыши. Так что скотину в новых местах можно было держать на прикорме до глубокой осени. Зато и засухи здесь случаются много чаще, чем на Севере, где того и гляди зальет посевы дождями или побьет неожиданными поздними заморозками.

Однако как бы ни хороши были новые места, в которых оказывались переселенцы, но трудности их не кончались на том, чтобы до них добраться. На новом месте все надо было начинать сначала: строить дом, разбивать огороды, готовиться к посевной, заводить скотину и птицу, уж не говоря о дровах на зиму и сене для скота. Для такого обзаведения хозяйством переселенцу по тем временам требовалось 250–300 рублей, что даже для среднего крестьянского хозяйства было суммой немаленькой, которой редко кто из вновь прибывших обладал. Потому для многих из них опять оставался один выход – пойти в батраки к крепким «старожилам», чтобы за год или два заработать денег на собственное хозяйство наемным трудом. Кому-то, впрочем, приходилось батрачить для этого и по пять – семь лет, а кто-то и всю жизнь вынужден был работать на хозяина. Ведь таких новых поселенцев в сибирских деревнях к началу XX века набиралось уже больше половины общего числа жителей.

Окрестности Шубинки (Мало-Ирменки) – родные места о. Наума. Карта 1920 г.

Но даже если у переселенца находились необходимые для обустройства деньги, это еще не означало его прав на общие блага. Прежде чем стать полноправным членом деревенского общества, он должен был получить «приписку» на общем сельском сходе, выносившем о ново-прибывшем свой «приемный приговор». Лишь при таком условии новый житель села допускался до «мира» – делался частью сельского общества. А без этого он не мог получить своей доли при разделе необходимых жизненных ресурсов, который проводился на общем собрании всех жителей. На нем распределялись среди семей и дворов пахотные земли, покосы, лес для строительства, рыбные ловли – словом, все, без чего человек не мог жить на земле сам. Не принятый в общество не имел в нем и права голоса. Все, на что он мог рассчитывать, – это всю жизнь перебиваться работой «в чужих людях».

Собравшийся сход придирчиво оценивал нового кандидата в ряды своего общества. Пьянице и лентяю на нем чаще всего давали «от ворот поворот», поскольку никто не хотел платить ложившиеся на весь «мир» подати за человека, не сумевшего доказать свою состоятельность

и ценность для общества. Зато если новосел владел каким-то нужным для всех ремеслом или знаниями, сход охотно мог выдать ему «приписное свидетельство».

Но даже это не спасало переселенца от необходимых в таком случае затрат на «приписку». И если поначалу часто достаточно было ведра водки, выставленного по такому поводу на весь «мир», то к началу XX века помимо угощения в шесть – восемь ведер вина новый член общины вынужден был платить сельскому обществу за каждую «ревизскую душу», то есть за каждого совершеннолетнего члена своей семьи, от 15 до 75, а кое-где даже до 100 или 200 рублей. Вот почему многие крестьяне, даже скопив денег на хозяйство, не могли заработать на «приписку» и всю жизнь оставались бесправной сельской беднотой, испытывая мало добрых чувств к обеспеченным односельчанам, которых за глаза звали «мироедами»⁶.

Именно поэтому, надо думать, поселился Ефим Иванович не в большом и богатом селе Ордынском, центре волостного правления, а в сравнительно маленькой деревне Шубинке, в которой большинство населения составляли такие же недавние переселенцы, как и он, а потому более снисходительные к нелегкой судьбе новосела. Деревня эта лежала в двадцати верстах от Ордынского, среди логов и увалов на красивых местах по левому берегу реки Ирменки.

Земли здесь были хорошие, урожайные. Вокруг села росли березовые колки, недалеко был лес, богатый грибами и ягодами, всяким зверем и птицей. Оттого начал здесь селиться русский человек еще с середины XVIII века. Началом построения Шубинки принято считать 1750 год, так что на сегодняшний день ей уже больше двухсот пятидесяти лет. Первыми оседлыми жителями этих мест, строившими, в отличие от небольших кочевых орд сибирских татар, постоянные поселения, были «чалдоны», или «челдоны». Так называли в Сибири потомков пришедших сюда с Дона казаков и самых ранних переселенцев, к XIX–XX векам считавшихся уже «коренными», а не «самоходами», как стали звать более поздних выходцев из «Расеи».

Вторая волна этих заселивших Шубинку «самоходов» шла уже главным образом из северных областей империи – Архангельской, Вологодской, Псковской, так что Ефим Иванович вполне мог встретить тут земляков, что могло повлиять на его выбор места нового жительства. С построением знаменитой Транссибирской железной дороги и началом Столыпинской реформы по заселению земель за Уралом приток переселенцев из губерний европейской части России еще более возрос, а с ним вместе продолжала расти и Шубинка, постепенно превратившаяся в немаленькое уже село (в 1914 году здесь числилось двести тринадцать крестьянских дворов). В том же году жители Шубинки собрались наконец-то построить собственную церковь, так что теперь, в согласии с существовавшими тогда правилами, деревня превратилась в село. Волостное правление в Ордынском официально зарегистрировало его, переименовав в Мало-Ирменку – по названию реки Ирмень, на которой оно стояло.

Народ здесь жил рукодельный. Главным и самым известным промыслом местных жителей было шитье шуб. Оттого во всей округе за селом и закрепилось «народное» прозвище Шубинка, которым в просторечии продолжали пользоваться и после смены названия в 1914 году. Местные скорняки славились далеко за пределами волости, ведь они умели выделывать те самые «барнаульские шубы», мода на которые тогда охватила едва ли не всю Сибирь. В отличие от обычного белого полушубка барнаульские шубы красились в черный цвет, делая приметным своего хозяина. Да и цвет практичный, немаркий, что для крестьянина имело большое значение.

Ефим Иванович, как выходец из Вилегодчины, где веками народ имел дело с производством ткани и ее окраской, мог прийтись на новом месте ко двору. В довольно короткий срок он уже успел обзавестись здесь крепким крестьянским хозяйством, которое вел вместе с сыновьями. А среди них подрастал родившийся всего лишь за два года до переезда семьи в Сибирь

⁶ См.: Лыков О.М. Звезда над Обью. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 2006. С. 83–91.

Александр Ефимович Байбородин – будущий родной отец по плоти Батюшки архимандрита Наума.

Глава 2. Подвиг веры

Схим. Сергия (Байбородина) и ее сын Николай, будущий Старец. Парсуна современного иконописца прот. Германа Сергеева

Путем Авраама

Так для чего же все-таки предпринял столь тяжелое, долгое и затратное путешествие Ефим Иванович Байбородин, отправившись с Вилегодчины в Сибирь, если там все равно ожидали его семью совсем не столь уж богатая жизнь и необходимость заново выстраивать все хозяйство? Так ли уж много приобретал он по сравнению с оставленными в родном краю домом, бытом, родней, оказавшись один в чужой стороне, за три тысячи верст от всех, кто его знал и мог по-родственному оказать необходимую помощь в случае нужды?

Конечно, в Западной Сибири, где он обосновался, условия для хлебороба были намного лучше, чем на Русском Севере, что и привлекало сюда множество переселенцев со всей европейской части империи. Кроме того, здесь еще можно было получить неплохой надел земли и тем избавить оставшуюся на старом месте родню от необходимости делить и без того скудные посевные площади между сыновьями, когда те вырастут и захотят жить своим двором, вести собственное хозяйство. Поскольку за последние пятьдесят лет земли на каждую семью уже и так выходило в два раза меньше, чем прежде, то следующему поколению, образно говоря, пришлось бы стоять на своем участке на одной ножке. В то время как за Уралом ее еще можно было получить из богатых целинных просторов вдоволь. Но и при всем этом многие из тех, кто переселился сюда, так и не смогли выбиться из нужды и обеспечить безбедную жизнь своим детям.

В этом смысле Ефиму Ивановичу повезло. После своего переселения в сибирскую Мало-Ирменку (она же Шубинка) он успел построить хоть и незажиточное, но вполне крепкое хозяйство и зажил на новом месте традиционным укладом русского крестьянина, которым веками жил его род. В этом отношении его странствие завершилось достаточно благополучно, и в плане материальном он ничего не потерял, отправившись в далекую Сибирь. Но ведь не мог же он быть уверен, что так получится?

Была одна важная причина, которая вынудила Ефима Ивановича пуститься в дальнюю дорогу. О ней говорил позже сам отец Наум. Батюшка утверждал, что его дед хотел сохранить веру – и потому оставил землю отцов своих, как некогда Авраам.

На рубеже XIX и XX веков жизнь и дух в Российской империи менялись весьма приметным образом, и не в лучшую сторону. Изменения эти, наиболее бурно протекавшие в крупных городах, не могли не коснуться и деревни, какими бы незыблемыми ни казались ее вековой уклад и приверженность ценностям, что передавались из поколения в поколение. Страшные события русской революции произошли не на пустом месте, ведь столпы, на которых зиждилось все имперское строение, – Православие, самодержавие и народность – раскачивались не одно десятилетие, пока не рухнули окончательно и не погребли ее население в кровавом хаосе народной смуты.

Оптинский схимонах Николай, прозванный Туркой за свое происхождение, в молодости служил офицером в турецкой армии. Участвуя в Крымской войне 1853–1856 годов, он попал в плен. Вместо тюрьмы или концлагеря, как это было бы в XX веке, гуманные власти Российской империи расселили пленных офицеров по частным домам в разных городах, словно собственных военных на постое. Николай попал туда же, куда чуть позже был сослан и вождь мятежных чеченцев Шамиль, – в Калугу. За время жизни в плену он был настолько поражен благочестием русского народа и красотой Православия, что всерьез задумался о перемене веры. Что он и сделал спустя некоторое время после возвращения на родину.

Однако, когда факт крещения Николая вскрылся, он был подвергнут пыткам и мучениям мусульманским правительством как отступник. Чудом оставшись в живых, через полтора десятка лет после своего первого пребывания в России он вернулся обратно. Однако, как признавался Николай некоторым из братии знаменитой Оптиной пустыни, где он после сво-

его возвращения сделался монахом, он не узнал страны, которую успел так искренне и горячо полюбить в дни своего плена. В обществе уже царил совершенно иной дух, и того благочестия, что так потрясло когда-то турка, в нем больше не было – по крайней мере, в той степени, в которой оно замечалось всего каких-нибудь пятнадцать лет назад.

И это было в конце семидесятых годов XIX столетия, когда общество переполняли высокие идеи помощи страждущему под османским игмом единоверному населению Балкан и вера продолжала привычно пронизывать, казалось, все стороны жизни Российской империи. Что уж было говорить о самом конце того столетия, в которое либеральные перемены происходили год от года, стремительно захватывая все слои и сословия тогдашнего общества! Коснулись они, к сожалению, и русского крестьянства.

Во второй половине XIX века на селе распространялось образование через систему церковно-приходских и земских школ. Это, безусловно, полезное начинание не обошлось без сеяния плевел среди пшеницы. Наряду с подвижниками народного просвещения, неуклонно державшимися Православной веры в своей педагогической деятельности, в сельской земской школе оказалось немало учителей, вольно или невольно заражавших крестьянских детей критическими по отношению к религии взглядами.

И это совсем неудивительно, поскольку подобные взгляды широко распространились среди самой либерально настроенной интеллигенции, из которой и вышли в подавляющем большинстве земские учителя. Как писал в 1891 году выдающийся русский педагог С. А. Рачинский:

«Отношение нашей интеллигенции к религиозному элементу в школе известно: она допускает его лишь ради соблюдения каких-то консервативных приличий или как уступку невежественным требованиям простонародья, и это лицемерное отношение к нему вреднее прямого гонения.

Что касается министерства, то его постановления, циркуляры, инструкции преисполнены выражениями неустанной заботливости о процветании религиозного элемента в школах всех возможных наименований. Но во всем этом мало искренности. Стоит только вспомнить то приниженное положение, которое отведено преподаванию Закона Божия в средних учебных заведениях.

Относительно сельских школ стоит только заглянуть в «Каталог книг для употребления в сельских школах», изданный министерством в 1875 году. Следует заметить, что всякая книга, не входящая в этот каталог, безусловно запрещена. Поверит ли мне читатель, если я скажу ему, что в этом каталоге не значится ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхого Завета! Новый Завет – «одобрен», но не «рекомендован»... Всякому, конечно, известно, что без Часослова и Псалтири сельская школа у нас немислима, что Ветхий Завет во всякой школе необходим. Тем не менее употребление этих книг в школах оказывается «безусловно запрещенным» со стороны министерства»⁷.

И хотя Сергей Александрович Рачинский был убежден, что усилия нигилистов-народников «отравить» безверием сельскую школу закончились «полнейшею неудачей», сейчас, с расстояния XXI века, такое утверждение не кажется столь же убедительным. К сожалению, семена безверия, рьяно насаждавшиеся среди русских крестьян со второй половины XIX века, не остались без всходов в свое время.

Тем более что русский крестьянин не жил в полной изоляции от остального общества, в каком-то совершенно отдельном от всей русской жизни мире. Он, как мы помним, мог подолгу уходить из деревни на заработки – на отхожие промыслы, нес рекрутскую службу в армии, вел с городом торговые дела, а будучи грамотным, охотно читал книги, когда имел на то время, главным образом зимой. И хоть основная масса крестьянства продолжала оставаться православной,

⁷ Рачинский С.А. Сельская школа: Сб. статей. М., 1891. С. 4–5.

но и в его среду, словно не всегда заметные глазу трещины, проникали свойственные окружающему обществу «идеи». И в моменты испытаний, которые особенно усилились в начале XX века с его войнами и революциями, эти трещины образовали уже настоящие разломы.

Например, Василий Алексеевич Сухих, уроженец той самой Вилегодчины, которую ради сохранения веры покинул его земляк Ефим Иванович Байбородин, вспоминал о своем дедушке: «В первые дни войны 1914 года на фронте погиб дядя Коля. Получив известие о его смерти, мой дед побросал все иконы под порог. И, бросая, говорил: “Нет Бога, нет Богородицы, и все попы обманщики”. Эти слова деда я твердо запомнил и поэтому на уроках Закона Божьего бросал не соответствующие уроку реплики»⁸.

К сожалению, испытания XX века не миновали в религиозном отношении и ту часть рода Байбородиных, что осталась на Виледи. Внуки Василия Ивановича, родного брата Ефима, были уже вполне далекими от Бога людьми – по крайней мере, большую часть жизни. А их дети даже пребывали некрещеными, пока, уже под влиянием разыскавшего их отца Наума, не обратились к церковной жизни в годы после падения богоборческой власти. Но насколько отличалась религиозная обстановка в Сибири и действительно ли имело смысл искать там спасения от надвигавшегося со всех сторон безверия?

В этом отношении Сибирь, конечно же, была далеко не Землей Обетованной. Ко всем прочим сложностям накануне и в начале XX века здесь добавлялась еще одна застарелая духовная проблема. Почти с самых ранних лет своего освоения Сибирь стала прибежищем для большого числа раскольников-староверов. Часть из них была выслана в Сибирь в принудительном порядке, так сказать, с глаз долой. Часть же устремлялась сюда вполне охотно и сознательно – подальше от «антихристовых» властей и «Никонианской» Церкви с их попытками отворотить «истинных православных» от «веры отцов».

Осев на сибирских землях раньше прочих, староверы, или, как звали их здесь, «кержаки», успели стать весьма состоятельными и влиятельными старожилками в местном крестьянском обществе, так что крепко держали в своих руках едва ли не всю торговлю хлебом и прочие выгодные предприятия. При этом, во избежание лишних столкновений с властями, по всем документам они зачастую числились православными – однако на деле занимали по отношению к Церкви позицию глубоко отрицательную и пренебрежительную. Духовенство сибирских приходов нередко пыталось жаловаться на эту плохо скрываемую враждебность своих формальных прихожан, однако никакого средства воздействия на глухое сопротивление местной сельской верхушки богачей-староверов найти было негде. Так что в духовном отношении Сибирь представляла собой едва ли не более трудное поприще, чем многие другие регионы дореволюционной России.

Но ведь и Авраам, послушавшись Божественного призыва, променял землю своих отцов вовсе не на райские кущи. Земля Обетованная тогда представляла собой еще более страшное в духовном отношении место, чем даже родной для библейского патриарха ветхозаветный Харран. Состояние населявших ее ханаанских народов отличалось тяжелейшими формами духовного разложения, а царившие среди них пороки находили оправдание в самых извращенных и жестоких языческих религиозных культах. Тем не менее праведный Авраам со всеми своими домочадцами и стадами не побоялся оставить уже обжитое его предками место и отправиться в трудный и далекий путь – по расстоянию, кстати говоря, вполне сопоставимый с тем путешествием, которое пришлось предпринять Ефиму Ивановичу.

И дело здесь, как и в случае с праведником Ветхого Завета, вероятно, в том, что сопротивляться негативному духовному воздействию намного тяжелее, когда оно исходит от родных или близко знакомых тебе людей, чем от чужих. Это как раз тот случай, когда сбываются слова Спасителя о том, что *враги человеку – домашние его* (Мф. 10, 36). Слишком многое свя-

⁸ Сухих В.А. Воспоминания из недалекого прошлого Вилегодского народа. Котлас, 2010. С. 32.

зывает человека с ними, слишком трудно менять обстановку и духовные отношения, в которых родился, вырос и продолжаешь жить из года в год. Любовь к человеку, вполне объяснимая и естественная, вдруг становится в таких случаях непреодолимой стеной, отделяющей от любви Божией. И этот постоянный духовный конфликт отзывается в сердце человека тем самым голосом, что повелел когда-то Аврааму: *Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12, 1).

Оказавшись же на новом месте, где еще ничего не связывает человека ни с кем, он волен уже сам определять, где и с кем ему жить, с кем устанавливать более близкие отношения, с кем общаться лишь по необходимости, а с кем не иметь никаких дел совершенно. И руководствуется он здесь не родственными связями, которые сами по себе обязывают их поддерживать, а исключительно собственными представлениями о том, что будет полезным или вредным для его души. А то, что чужие ему люди являются чуждыми и по духу, – что же, на то они и чужие, и тем легче воспринимать их как совершенно посторонних в жизни людей. Отгородиться от них несравненно легче, чем от тех, с кем соединяют узы родства или многолетнего товарищества.

Эту закономерность, кстати говоря, глубоко понимал и отец Наум – вероятно, вслед за дедом, прошедшим путем Авраама ради подвига сохранения веры. В своей практике духовного руководства Старец тоже нередко находил нужным переселять кого-то из духовных чад как можно дальше от родных мест и родственников, чтобы привычная греховная рутина не мешала духовному росту человека. И действительно, оказавшись на новом месте и в новой для себя обстановке, человек нередко полностью менял всю свою жизнь со всеми привычками и решался на совершенно неожиданные для себя самого перемены – такие как принятие духовного сана или монашества. В противном же случае его, скорее всего, все глубже и глубже затягивало бы с годами то духовное болото, вкус и привычку к которому он приобрел с малых лет и погружение в которое требовало так мало усилий.

На новом месте

На новом месте переселенцы бодро взялись за обустройство. На другом берегу Оби, в таежных чащах у села Завьялово, валили лес, везли его через Обь и строили дома. Подрастая, старшие сыновья рубили собственные избы поблизости от основной отцовской усадьбы, которая, по заведенному среди русских крестьян патриархальному порядку, продолжала оставаться средоточием всей семьи. Так в Шубинке на целый квартал выстроились «байбородинские дома», место которых укажут здесь и сегодня.

Первым же делом, которым занялись новые поселенцы сразу после того, как мало-мальски наладили собственный быт, было строительство храма в Мало-Ирменке. До этого церкви здесь не было, и малочисленные здешние жители на богослужение ездили в соседнее село Ордынское. Новоселы же жить без собственного храма не могли, а потому вновь принялись рубить лес и возить его через Обь, в чем им помогал благочестивый купец Кузьмин, выделявший средства на постройку. Вскоре в селе уже стоял небольшой, но ладный деревянный храм в честь святого Архангела Михаила, которого в здешних местах особенно почитали, посвящая ему церкви чуть не в каждой второй деревне.

Переселенцы обустраиваются на новом месте

В этом храме один за другим венчались повзрослевшие дети Ефима Ивановича, а затем здесь же крестили они своих детей. Первым венчался старший сын Григорий, родившийся еще в 1886 году. В 1907-м он женился на совершенно глухой девушке Феодосии, с которой,

несмотря на это, прожил всю жизнь душа в душу⁹. Затем настала очередь его братьев-погодков Павла и Алексея. За ними вышла замуж их единственная сестра Афанасия.

На сибирской земле у Ефима Ивановича и Марии Степановны рождались и другие дети, однако никто из них не дожил до взрослых лет. Родившийся в 1901 году Иоанн, затем его тезка 1903-го, а за ним сын Михаил 1905-го и дочь Параскева 1906-го годов рождения один за другим отправлялись на сельский погост в возрасте нескольких месяцев из-за слабости, поноса и других детских хворей. Родители успевали лишь покрестить да приобщить Святых Таин своих новорожденных деток, о чем делались записи в приходской метрической книге Никольской церкви села Ордынского. А затем здесь же, но в части «об умерших» появлялись свежие упоминания о скончавшихся младенцах с кратким обозначением унесшего их недуга¹⁰.

А. Е. Байбородин и П. М. Байбородина, родители Батюшки

Последним из оставшихся в живых детей женился младший сын Ефима Ивановича Александр, в судьбе которого запечатлелись все смуты и бедствия века, ровесником которого он практически являлся. Несмотря ни на что, Александр пытался жить той же жизнью, что и миллионы крестьян в Сибири, ставшей для него родной, и во всей России. Смуты, войны и революционные перемены грохотали на просторах страны, но жизнь продолжалась, и каждый старался найти в ней свое место.

Высокий и красивый, из крепкой и работающей крестьянской семьи, весельчак-гармонист Александр считался завидным женихом и вступил в брак довольно рано. Ему самому только исполнилось двадцать, а его молодой жене и того меньше – она была тремя годами младше сво-

⁹ См.: Метрическая книга о рождении, браке и смерти по Томской Духовной Консistorии Николаевской церкви села Ордынского за 1907 год // Государственный архив Новосибирской области (ГКУ НСО ГАНО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 792. С. 135 об. – 136, запись № 66.

¹⁰ См. там же. Д. 334. С. 58 об. – 59, запись № 243; Д. 456. Л. 47–48 и 178, запись № 126; Д. 626; Д. 704. С. 86 об. – 87, запись № 29; Д. 792. С. 184 об. – 185, запись № 127.

его юного мужа. Но за молодыми присматривали старшие – семья жила старым патриархальным укладом, при котором ничего не делалось в доме без слова и позволения отца или матери.

Юная невестка, по заведенному в крестьянских семьях порядку, во всем должна была слушать свекра и свекровь. Если ей надо было по каким-либо своим делам отлучиться из дома, разрешение на это она должна была спрашивать у родителей мужа и возвращаться обратно не позже назначенного ей времени. Но у молодой хозяйки с этим трудностей никаких не возникало – в родном доме она воспитывалась в тех же скромности и послушании, которых требовал от девушек вековой крестьянский уклад.

В девичестве супруга Александра Ивановича Байбородина звалась Пелагеей Максимовной Шеньгиной. Родители ее, Максим и Анна (до замужества носившая фамилию Самойлова), также были недавними переселенцами в Сибирь из Псковской губернии. Правда, сюда они попали через Среднюю Азию, отправившись поначалу на земли современного Казахстана, где поселились в окрестностях города Верный – бывшей Верненской станицы семиреченских казаков, которая ныне зовется Алма-Атой. Но жизнь в казахских степях пришлась не по вкусу псковским переселенцам, и спустя недолгое время они отправились дальше – в места, которые больше могли напомнить им оставленную родину с ее лесами и реками. Так они добрались до берегов Оби, где и осели всё в той же переселенческой Шубинке, что и Байбородины. Правда, прибыли они сюда на несколько лет раньше, да и род их был больше, поскольку снимались с родных мест они сразу несколькими поколениями своей большой семьи.

Первым в поле всегда выезжал сам глава рода, Дмитрий Шеньгин. Его сын Максим Дмитриевич «жаворонком» не был и в поле выходил позже всех – зато позже всех и заканчивал работу. В большой его семье подрастали четырнадцать детей, из которых в памяти их потомков остались имена Макария, Марфы, Феклы, Порфирия, Саломии, Иосифа и другой Феклы, названной в честь своей умершей сестры, а также Пелагеи, Марии и Анастасии.

Старших детей крестили еще в «старой» Никольской церкви села Ордынского. Храм этот потом попал в зону затопления при строительстве Обской ГЭС в конце пятидесятых годов. Теперь он скрыт на дне водохранилища, как и прежние улицы села.

Все дети с ранних лет приучались помогать отцу с матерью в их трудах – ведь прокормить такую большую семью было непросто. Вдобавок была у Максима известная русская слабость, которая могла застигнуть хозяина даже посреди самой страды и дня на три-четыре вывести из строя. Дмитрию в таких случаях приходилось отечески корить взрослого сына. «Не жаль тех денег, что ты потратил на водку, – говаривал он, – времени жаль, его ты не вернешь! В такое время, как сейчас, день год кормит!» Придя в себя, Максим Дмитриевич с удвоенной силой вновь принимался за работу, стараясь наверстать упущенное время, о котором напоминал ему отец.

Но при всем этом о Максиме Дмитриевиче у односельчан сохранились самые добрые воспоминания. Так, старейшая жительница Мало-Ирменки Ирина Маркелловна, которой в 2000 году исполнился девяносто один год, вспоминала о нем так: «Максим Дмитриевич был очень добрый, с душой чуткой и возвышенной. Когда приезжал с сенокоса, рассказывал, какие у него там на покосе травки растут, и называл их ласковыми именами. Свою супругу Самойлову Анну Федоровну он очень любил и звал не иначе, как только Аннушкой. И отец его Дмитрий был очень хороший человек».

Дочь Максима Дмитриевича и Анны Пелагея, ставшая впоследствии женой Александра Ивановича Байбородина, родилась 5 апреля 1901 года, хотя в некоторых более поздних документах годом ее рождения значился 1902-й. Однако в сохранившейся записи в «Метрической книге о рождении, браке и смерти по Томской Духовной Консistorии Николаевской церкви села Ордынского» говорится, что младенец Пелагея «родилась 5 апреля 1901 года», а крестили ее 10 мая. Родителями ее указаны «деревни Мало-Ирменской крестьянин Максим Шеньгин и законная жена его Анна Федорова, оба православные». В качестве восприемницы при святом

крещении записана «той же деревни крестьянская жена Анна Антонова Морозова», таинство же совершал иерей Иоанн Калмаков¹¹.

С детства воспитывалась она в вере и благочестии. Бабушка ее, особенно выделявшая из всех внучку Пелагею, часто брала совсем маленькую девочку к себе на колени и поучала.

– В последнее время девицы будут – бесстыдные лица, – говорила она, и сейчас мы можем только дивиться глубокой мудрости и прозорливости простой русской крестьянки. – А женщины будут бесподобные. А ты не веди себя так, как они. Ты всегда ходи так, чтобы у тебя длинный рукавчик был, в платочке ходи, в чулочках, чтобы платьице было ниже колена.

Этими и подобными словами бабушка с самых малых лет учила внучку честной, чистой и скромной жизни.

Эти поучения быстро принесли свои плоды. Когда Пелагее настала пора идти в сельскую школу, с первых же дней выяснилось, что их молодая и «прогрессивная» учительница намерена вести образование крестьянских детей в духе «современных идей».

– Мы теперь будем всему по-новому учить, не так, как раньше! – заявила она. – Не так, как наших верующих темных бабок учили!

И принялась «просвещать» детей теорией эволюции Дарвина. Маленькой Пелагее эти уроки пришлись совсем не по вкусу. Она почувствовала в них скрытый богоборческий дух и поняла, что от такого «образования» получит большой духовный вред.

Вместе с тем девочка понимала, что мама ее не захочет, чтобы дочь оставила учебу в школе. А потому пошла сразу к «маме старой», или «маме большой», как в сибирских семьях звали старшую бабушку всего рода, которой во всех подобных делах в семье принадлежало последнее слово, и попросила ее разрешения не ходить больше в школу, потому что там «учат без Бога».

– А чему там учат? – спросила ее бабушка.

– Да все что-то про крыс, про мышей, бабушка! – ответила Поля, поскольку на этих грызунах в том числе пыталась объяснить детям теорию эволюции учительница.

– Ну, этого добра и у нас в амбаре хватает! – согласилась бабушка, махнув рукой. – Ладно, не ходи туда больше!

Слову «мамы большой» никто в семье не мог перечить, и Поля осталась дома помогать старшим по хозяйству. И хоть пришлось ей всю жизнь прожить малограмотной, она успела развить свой от природы быстрый и сильный ум слушанием и чтением всего, что укрепляло веру, – в особенности слова Божия и житий святых, которые всегда были особенно любимы русским крестьянством. Их она запоминала в большом количестве и потом очень интересно пересказывала, приводя подходящие к тому или другому случаю примеры.

Сельская молодежь в то время, по крайней мере в Мало-Ирменке, вообще отличалась скромностью и целомудрием. Ульяна, подруга Пелагеи в те годы, впоследствии вспоминала: «Мы когда работали в поле, то задерживались до поздней ночи. А потому домой никто не расходился, все оставались ночевать прямо там. Молодежь вся ночевала вместе – но никто себе никаких вольностей никогда не позволял. А если вдруг кто-нибудь начинал пытаться вести себя нескромно, то мы с таким переставали общаться, не брали в свою компанию».

По своему глубоко христианскому настроению Пелагея сблизилась с Афанасией, дочерью Ефима Ивановича Байбородина, которую тоже отличала глубокая вера. Эта их дружба сохранилась на всю жизнь, особенно поддержав их в самые тяжелые годы. Видимо, именно через Афанасию Пелагея вступила в более близкое знакомство и с младшим братом своей подруги Александром, а оно вскоре переросло в любовь и привело к брачному союзу молодых людей.

¹¹ См.: Метрическая книга о рождении, браке и смерти по Томской Духовной Консistorии Николаевской церкви села Ордынского за 1901 год // Государственный архив Новосибирской области (ГКУ НСО ГАНО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 334. С. 27, запись № 114.

Лихолетье

Может быть, в другое, более счастливое и спокойное время Александру и Пелагее довелось бы в любви и согласии прожить свой век, крепкой многодетной семьей встретив закат трудовой жизни. Однако на их долю достались, наверное, самые тяжелые испытания за многие века всей истории русского народа.

О тех годах, что наступили вскоре после свадьбы молодых Александра и Пелагеи, пережившие то лихолетье зачастую старались не вспоминать вовсе и даже в семейном кругу разговоров о них не заводили. Это были годы Голгофы русского крестьянства, Голгофы – увыв! – без воскресения. Целый огромный класс населения прежней России, составлявший более девяноста его процентов, уходил в небытие со всем своим древним благочестивым укладом, со всей своей верой во Христа и любовью к родной земле. Миллионам русских крестьян наступившая эпоха революций, Гражданской войны и последовавших за ними раскулачивания, ссылок, насильственной коллективизации принесла разрушение хозяйств и семей, гибель в лагерях и на чужбине, разлучение с родными местами и людьми. Не миновала эта чаша и молодую семью Байбородины.

Западную Сибирь, как и всю Россию, разрывала на части начавшаяся вслед за двумя революциями гражданская война. В конце 1917 года здесь установилась советская власть, принесенная вернувшимися из окопов Первой мировой войны солдатами. Поначалу ее лозунги «Землю – крестьянам!» и «Вся власть – Советам крестьянских депутатов!» склонили к ней симпатии сельчан, для которых земля веками была главной ценностью их трудовой жизни. Однако уже весной 1918 года новая власть перешла к откровенному грабежу, начав отбирать у крестьян хлеб накануне сева, даже не потрудившись за него заплатить.

Поэтому мало кто из них жалел об уходе этой власти «крестьянских депутатов» и образовании вместо нее Временного Сибирского правительства. Опиралось оно на объединившихся в Чехословацкий корпус бывших чешских военнопленных и разношерстные силы бежавших из занятой большевиками Европейской России политиков и военных всех прочих партий и всех мастей. Однако эта ослабленная внутренними несогласиями структура едва ли смогла бы противопоставить что-либо сплоченным силам большевиков, если бы в ноябре 1918 года не передала полномочия Верховного правителя адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. В этом качестве Александр Васильевич начал жестко и решительно наводить порядок на подвластных его правительству территориях.

Встреча А. В. Колчака с крестьянами. 1919 г.

На попытки неповиновения, а тем более пропаганды большевистских идей Колчак ответил «белым террором», жестоко подавляя мятежи и возмущения руками белочехов и казаков и применяя к непокорным расстрельные приговоры на месте, без суда и следствия. Как средство воздействия на население широко применялись порки плетью или шомполами. Так, в Екатеринбургской губернии с двухмиллионным населением был выпорот каждый десятый житель, включая женщин и детей.

Войска Колчака постоянно нуждались в свежих силах, так что в Сибири и на Урале была объявлена широкая мобилизация, уклоняющихся от которой ждали всё те же порки и расстрелы. В среде сибирского крестьянства начало назреть недовольство правительством адмирала Колчака, которое стремительно перерастало в бунты и организацию отрядов «красных партизан», куда сбегали недовольные и те, кто продолжал сочувствовать идеям большевиков. Пока дела на фронте у нового правительства шли успешно, это недовольство еще не выливалось в крупные волнения. Армия Верховного правителя России вернула под свой контроль Урал, стремительно отвоевала Поволжье. Осознав надвинувшуюся из Сибири опасность, большевики бросили все имевшиеся ресурсы Красной Армии на борьбу с Колчаком и к лету 1919 года сумели переломить ситуацию в свою пользу, остановив наступление белой армии, а затем заставив ее начать отступление за Урал, к Омску.

Ослабление армии и правительства Колчака вновь всколыхнуло волну бунтов и восстаний на территории Сибири. В августе 1919 года такое восстание началось и в Ордынской волости. К нему, несмотря на недостаток вооружения и боевого опыта, присоединились крестьяне из Верх-Ирмени и Кирзы. Восстание это было быстро подавлено силами прибывших из Ново-Николаевска карательных отрядов поляков и чехов. Вновь начались расстрелы и порки, которые бывшие чешские военнопленные, надеявшиеся после войны вернуться на родину не с пустыми руками, сопровождали обычными грабежами «провинившихся» из местного населения.

По воспоминаниям шубинской старожилки Ирины Маркелловны, ее отец Маркелл Плотников вместе со своим соседом и другом Максимом Дмитриевичем Шеньгиным были взяты белогвардейцами в качестве понятых, чтобы соблюсти видимость законности при обходах

домов, когда для «военных нужд» у крестьян отбирали их знаменитые полушубки. Должность понятых не спасла их самих от мародеров – запуганные угрозами, Максим Дмитриевич и Маркелл со страху тоже отдали реквизиторам свои совсем новые тулупы.

Эта алчность белочехов и прочих «союзников» белой армии мало того, что подрывала среди населения Сибири доверие к ее делу, так она еще и послужила причиной окончательного предательства ими адмирала Колчака и его правительства. Стремясь в первую очередь вывезти награбленное в России имущество, Чехословацкий корпус блокировал железнодорожное движение армейских эшелонов с подкреплением, снабжением и ранеными, оставив белую армию без средств сообщения. Французы генерала М. Жанена, в свою очередь, надеялись заполучить «золотой запас» России, который вез в своем эшелоне Верховный правитель, не желавший, чтобы он оказался за границей. Так и те и другие согласились предать адмирала в руки большевиков.

В результате к началу 1920 года Колчак оказался в плену, а большая часть Сибири – в руках большевиков. Если бы сибирские крестьяне знали, чем окажется для них это «второе пришествие» советской власти, думается, они охотно потерпели бы колчаковские порки как гораздо меньшее зло. Однако человеку свойственно надеяться на лучшее, и в тот момент им казалось, что они наконец-то освободились от жесткой власти режима «белого террора» адмирала Колчака. В действительности же они навсегда остались один на один с новой властью, которой уже больше некому было бросить вызов, а тем более организовать ей вооруженное противодействие. Гражданская же война на деле совсем не заканчивалась – она просто переходила в другую фазу, принимала иные формы и обличья, когда кровавый механизм поиска врагов среди собственного народа еще только начинал свою разрушительную деятельность.

События вооруженного противостояния красных и белых 1919 года самым трагическим образом коснулись и молодой семьи Александра и Пелагеи Байбородиных. Отступавшие дальше на восток отряды армии адмирала Колчака привели в Мало-Ирменку больных лошадей, которых под угрозой оружия потребовали заменить на здоровых. Местным жителям ничего не оставалось, как смириться с таким обменом, и они отдали колчаковцам здоровых лошадей, оставив у себя больных животных, – должно быть, в надежде вылечить их и вернуть в крестьянское хозяйство. Однако лошади оказались больны тифом, которым заразили и приютивших их людей.

В самое краткое время вспыхнула эпидемия, от которой в Мало-Ирменке сразу скончались трое детей. И среди них – трехмесячный Михаил Байбородин, первенец Александра и Пелагеи. Он первым из своих братьев и сестер нашел упокоение на сельском погосте. Насколько тяжело перенести такое горе молодой матери, невозможно передать словами. Единственным, что укрепляло Пелагею в ее утрате, была ее вера в Бога, в Промысл Божий, в то, что Господь никогда не попустит произойти подобному несчастью без причины. И такие причины действительно вскоре стали открываться духовному зрению простой, но глубоко верующей сибирской крестьянки.

Вся жизнь бывшей имперской России находилась в глубоком разладе, утратив те вековые основы, на которых она держалась. Этот разлад коснулся всех сторон жизни. Война и революция принесли разруху и сельскому хозяйству, и промышленности. Не было керосина, соли, спичек, мыла. В 1919 году в раздираемой Гражданской войной Сибири на полях лежали трупы погибших, а в деревнях не хватало рук убирать урожай, так что треть полей с несжатым хлебом засыпало снегом. Летом 1920 года в Сибири случилась страшная засуха, и почти весь урожай зерновых погиб на корню. А летом 1921-го засуха и неурожай уже в большей части плодородных губерний страны привели к страшному голоду, от которого гибли миллионы.

Зернохранилище в церкви. 1920 г.

Власть ответила на недостаток хлеба «продразверсткой» – попросту грабежом, когда вооруженные отряды красноармейцев отнимали у крестьян остатки зерна. В Ордынске был закрыт базар, запрещена частная торговля. Деньги обесценились, в некоторых местах дело доходило до каннибализма. С невероятным цинизмом власть большевиков и лично В. И. Ленин использовали страшный голод для того, чтобы развязать кампанию по грабежу и закрытию храмов и монастырей, подвергая репрессиям духовенство. Недовольство и возмущение действиями советской власти росли и ширились повсеместно, в том числе и в Сибири. Но во всей России с падением Белого движения больше уже не осталось силы, способной объединить народ на борьбу с новой властью.

Тем не менее представители власти были напуганы возможностью новых мятежей доведенного до отчаяния населения и потому решили сделать шаг назад с позиций провозглашенного ими «военного коммунизма». Поголовный грабеж «продразверстки» был заменен более легким «продналогом», была вновь разрешена свободная торговля, использование наемной силы – наступила эпоха НЭПа – новой экономической политики, необходимого компромисса, который позволил бы крестьянину подняться с колен и вновь сделаться кормильцем своей страны. За несколько лет, которые продержалась эта новая экономическая политика, хозяйство страны действительно успело сделать удивительный скачок в своем развитии. И хотя дореволюционного уровня благосостояния достичь в целом не удалось, однако голод, казалось, ушел в прошлое навсегда, а возникшее вдруг разнообразие товаров и продуктов после страшных лет продразверсток выглядело настоящим изобилием.

Во времена НЭПа на рынках вновь появились продукты

Но если в хозяйственном отношении на селе все менялось в лучшую сторону, то в духовном состоянии крестьянского общества изменения становились хуже год от года. Войну с верой и Церковью новая власть продолжала вести с удвоенной силой. Духовенство в ее глазах стояло наравне с классом эксплуататоров, «недобитыми» белогвардейцами и прочими прислужниками «проклятого царизма». Самое главное, что такое восприятие «классового врага» активно внедрялось в сознание рядового жителя села.

Уже в самые первые годы после революции повсеместно стали создаваться так называемые «комбеды» – комитеты сельской бедноты, которые теперь представляли власть на селе. Из них выбирались служащие сельсоветов, занявших то руководящее место, которое прежде принадлежало сельскому сходу с наиболее крепкими хозяевами в его главе. Теперь же все деревенское общество было разделено на три неравные по количеству и качеству группы: бедноту, середняков и кулаков. Первые стали опорой новой власти на селе, вторые рассматривались как возможные союзники в борьбе с третьими – кулаками, «классовым врагом» советской власти.

Впрочем, и во второй, самой большой группе была прослойка, имевшая возможность оказаться в числе «классовых врагов», – так называемые «зажиточные середняки», на которых беднота смотрела с подозрением. Вся же вина их состояла лишь в том, что они, имея крепкие хозяйства, в страду вынуждены были нанимать помощников со стороны, которым, конечно же, платили установленный заработок. Такая практика в Сибири с ее большими земельными наделами являлась повсеместной и никогда прежде никем не порицалась.

Также теперь к числу кулаков и их пособников отнесли всех, кто имел собственные мельницы или крупорушки, а также сельскохозяйственные машины и приспособления наподобие конных граблей, механических косилок, жаток и молотилок. До революции они были у многих и традиционно предоставлялись в деревне тем, кто их не имел, после окончания работы в собственном хозяйстве.

Так что на деле грань между просто крепким хозяином и кулаком провести было довольно сложно, что однажды выразил один из местных ордынских работников того времени: «Мне бы вот хотелось узнать, каким путем можно отличить бедняка от середняка и как вообще правильно подойти к социальному определению крестьянских хозяйств. У нас есть такие бедняки, которые едят “сеянку”¹², а середняки об этом и мечтать не думают. Мне думается, что беднота в большинстве не является уж такой беднотой, которой Советская власть сует и сует всякие милости. А под маской такой бедноты скрывается вполне обеспеченная часть общества»¹³.

Тем не менее именно на эту бедноту продолжала делать ставку советская власть. Все же прочие, а в особенности кулаки и подкулачники, бывшие белогвардейцы и те, кто им сочувствовал, бывшие приставы, жандармы и прочие служители закона и порядка, духовенство и церковнослужители записывались в число так называемых «лишенцев» – той части сельского общества, что отныне была лишена права голоса, возможности участвовать в сельских выборах и сельском самоуправлении вообще.

Мир сибирского крестьянина перевернулся с ног на голову. Если раньше крестьянин стремился быть трудолюбивым, развивать свое хозяйство и преуспевшие в этом ценились всем обществом как хорошие хозяева, то теперь, при новой власти, такой человек становился изгоем вместе со всеми, кто прежде пользовался уважением на селе. Как пелось в революционном гимне: «Кто был ничем – тот станет всем». И по этой логике, теперь надо было становиться этим самым «ничем», что в картину представлений сибирского крестьянина о правильном устройстве мира никак не укладывалось.

Однако среди тех, кто добровольно принял советскую власть и оказался ею обласкан, такие взгляды принимались искренне и от всего сердца, с полной верой. Более того, к представителям другой части общества они начинали испытывать вполне чистосердечную «классовую ненависть», заповеданную им этой властью, так что ненависть разделяла теперь жителей одного села на «своих» и «чужих», постоянно находя поводы для новых проявлений. Братоубийственная Гражданская война была посеяна на всем пространстве бывшей Российской империи и ежегодно давала всё новые и новые всходы.

Хуже всего, наверное, было то, что в ряды своих союзников советская власть старалась вовлекать сельских детей и молодежь, противопоставляя их собственным родителям. Уже в самом начале двадцатых годов на селе появились первые комсомольцы. Из их среды выдвигались так называемые «активисты», считавшие своим долгом и обязанностью доносить коммунистическую идеологию до своих односельчан и жителей тех мест, куда их отправляли на «идеологическую работу».

Главным образом из этой же среды выходили и новые сельские учителя, нередко не столько обремененные образованием, сколько напичканные «правильными», на взгляд руководящих советских работников, «идеями». Поэтому к их непосредственным учительским обязанностям «ликвидировать безграмотность» (учителей так нередко и называли – «ликвид-работники») добавлялась еще и активная деятельность на фронте «общественной работы». Сюда входили агитация за колхозы и коммуны, организация пионерского движения, выявление «идеологически чуждых» и «враждебных» элементов и, конечно же, антирелигиозная пропаганда.

В помощь учителю и агитатору в его пропагандистской работе на селе были повсеместно открыты избы-читальни, игравшие тогда роль общедоступной библиотеки, Дома культуры и сельского клуба одновременно. Руководили этими учреждениями так называемые «избачи», бывшие не только библиотекарями, но и лекторами и пропагандистами, устраивавшими у себя

¹² *Сеянка* – хлеб из просеянной муки, без отрубей, который в то время на селе считался изысканной пищей.

¹³ *Льков О.М.* Звезда над Обью. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 2006. С. 165.

в «избе» сельские собрания. В их обязанности входило доведение до населения информации о политической обстановке и решениях партии, организация различных кружков и чтение вслух для неграмотных сельчан. Короче говоря, избач того времени был тем, кого впоследствии в Стране Советов стали называть громоздким словом «культпросветработник».

Дети читают газету «Безбожник». 1920-е гг.

В каждой избе-читальне непременно выписывались газета и журнал «Безбожник», вышедшие с 1922 года. Вокруг этих периодических изданий сложилось антирелигиозное общество, с 1925 года именовавшееся «Союзом безбожников», а с 1929 года – «Союзом воинствующих безбожников». Тогда же было учреждено и детское отделение общества – организация «Юных воинствующих безбожников СССР». Одним из обязательных при избах-читальнях сделался как раз кружок безбожников, зачастую существовавший как отделение «Союза». К концу деятельности этого общества, распущенного после начала Великой Отечественной войны, в стране насчитывалось около девяноста тысяч его отделений, включавших три миллиона активных членов.

Результаты активной антирелигиозной пропаганды не заставили себя ждать. Вот, например, каким «карнавалом» отмечала молодежь праздник Первого мая 1930 года в селе Ордынском, по воспоминаниям одной из местных активисток: «Карнавал начался с “похорон кулака”. “Кулак”, которого везли в кибитке с решеткой на худой кляче, жалобно выл, проклинал свою судьбу и пел песни про свои злостные дела. Следом “хоронили” попа. За ними шла молодежь с песнями и пляской. А в заключение как завелись все 33 трактора, земля задрожала! Это было потрясающее зрелище!»¹⁴

Но подобные народные развлечения были еще сравнительно безобидными. Выращенные активистами кадры зачастую совсем еще детьми участвовали в разорении церквей, уничтожали кресты и иконы, преследовали священнослужителей и членов их семей, доносили на

¹⁴ Там же. С. 179.

верующих в карательные органы – и совершали все это со всей искренностью, честно веря, что делают доброе и полезное дело. Когда советской власти вновь потребовалось отбирать у крестьян хлеб, сельские учителя и активисты широко использовали распропагандированных ими пионеров, простых сельских детей, которые стали их добровольной агентурой в борьбе с кулаком. «Подвиг» пионера Павлика Морозова, провозглашенного советской властью «героем» за доноительство на своих родственников, которые занимались «укрывательством хлеба» (по официальной советской легенде – на собственного отца), был отнюдь не единичным, исключительным явлением. Таких Павликов Морозовых во множестве готовила новая система повсеместно.

И Сибирь не стала здесь исключением. Комсомольские деятели горели ревностью, жалея, что на их долю не выпало участия в боях Гражданской войны. Теперь они жаждали наверстать упущенное и к своей работе подходили как к продолжению сражений и подвигов Гражданской – что, по сути, так и было. В кулаке – зажиточном крестьянине – они видели исключительно «классового врага», которого непременно надо победить во что бы то ни стало. О том, что своей деятельностью они умножают злобу и ненависть, раскалывают село, некогда единый «мир», они не задумывались.

Как же больно было родителям видеть, как чужие люди настраивают против них собственных детей, заражая «классовой ненавистью» к родным, друзьям и просто односельчанам! Оттого и брался крестьянин за нож, гирьку или обреза, направляя это свое нехитрое оружие против представителей местной власти, сельских учителей и активистов комсомола. Но эти выступления были уже, скорее, актом отчаяния, поскольку систему государственной власти ни ножами, ни обрезами победить было невозможно.

Так, в 1929 году в селе Усть-Луковка того же Ордынского уезда четверо кулаков напали на двадцатилетнюю учительницу местной школы Марию Васильевну Соколову, активно использовавшую созданный ею пионерский отряд для поисков укрывателей хлеба. Несмотря на множество нанесенных ей ран, учительница осталась жива, а ее обидчики уже под утро были арестованы и вскоре расстреляны. Дело это получило огласку в масштабах всей страны. М. В. Соколова стала известной личностью, а ее дело – показательным процессом в борьбе с кулачеством не на жизнь, а на смерть.

И до самых последних дней жизни учительница Соколова была твердо убеждена в том, что мужественно боролась с врагами-кулаками, в чем сельские дети были ее верными помощниками. До чувств людей, которых записали в кулаки за трудолюбие и попытки сопротивления государственному грабежу выращенного ими хлеба, до их родительских переживаний за судьбу собственных детей, превращавшихся в Павликов Морозовых, никому из активистов дела не было.

Материнский подвиг

Картина, которая разворачивалась в жизни родного села и ближней округи в те годы, не могла не тревожить глубоко верующего человека, каким была Пелагея Максимовна Байбородина. Видя гонения на веру, развращение безбожием детей и молодежи, она сознавала, насколько ей как матери трудно будет сохранить в Православии собственных детей, насколько нелегко или даже невозможно будет оградить их от влияния атеистической пропаганды сельских учителей и комсомольских активистов. Поэтому и смерть своего первенца она стала воспринимать как действие благого Промысла Божия, забравшего младенца в пору его чистоты и невинности, прежде чем обрушится на его душу царствующий повсюду грех.

Душа Пелагеи Максимовны принимает на себя совершенно исключительный материнский подвиг, подобный подвигу Авраама, готовившегося принести в жертву Богу единственного и любимого сына-наследника Исаака. Молодая мать начинает молиться за своих детей: «Господи! Если дети мои не будут делать то, что Тебе угодно, если отступят от веры, будут разрушать храмы – лучше заведи их сейчас, пока они маленькие и не совершили против Тебя никакого греха! Ведь *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26)». Такая молитва для матери-христианки была подлинным бескровным мученичеством, требовавшим от нее полного самоотвержения в главном и самом святом предназначении женщины – материнстве. Она требовала мужества и глубокой веры первых христиан.

Шубинка. Могилы родственников Батюшки: его бабушки Анны Самойловой-Шеньгиной и его братьев и сестер, младенцев Михаила, Дмитрия, Марии, Елизаветы, Елизаветы и Зинаиды

Господь принял подвиг материнского самоотречения Пелагеи. Раньше или позже других ее дети один за другим переселялись на кладбищенский погост и обретали покой рядом с их старшим братом Михаилом, не успев, как и он, выйти из младенческого возраста. Родившийся в 1920 году следом за Михаилом Дмитрий скончался в 1925 году в возрасте пяти лет. Его младшая сестра Мария родилась в 1921 году. Она росла девочкой очень живой и сообразительной, и те, кто ее видел, говорили о ней, что она «далеко пойдет». Но, видимо, это «далеко» лежало совсем не в той стороне, о которой молилась Пелагея, и девочка скончалась в 1924

году. Следом за ней упокоились под могильным крестом сестры-погодки Елизавета, прожившая от роду всего четыре месяца, и другая Елизавета, названная в честь умершей сестры, но тоже прожившая всего год и три месяца. Последней в возрасте двух с половиной лет завершила ряд одинаковых кладбищенских крестов младшенькая Зинаида, родившаяся в 1929-м и скончавшаяся в 1932 году.

Из всех семерых детей Александра Ефимовича и Пелагеи Максимовны Байбородиныных живых остался один только Коля, Николай Александрович, родившийся 6 декабря по старому стилю (19-го по новому) 1927 года. Это был будущий архимандрит Наум. О нем Пелагея молилась сугубо, прося, чтобы этого ребенка Господь оставил ей кормильцем, и обещая посвятить его на служение Богу. Во время беременности Пелагея часто читала Иисусову молитву и крестила лежавшего во чреве младенца, освящая будущего молитвенника, воспринявшего благочестие матери с первых дней своего существования.

Пелагея особо молилась за ребенка святителю Николаю, и Коля родился на день его памяти, хотя записан был по новому стилю. Именно поэтому впоследствии Батюшка всегда отмечал день своего рождения на память святого благоверного князя Александра Невского – 6 декабря по новому стилю, в день тезоименитства его отца. Крестили младенца в храме святого Михаила Архангела в Шубинке, где в то время уже не было священника. Таинство совершал священник Константин из еще не закрытой в то время церкви в Ордынском, а крестной стала младшая сестра Пелагеи Мария Максимовна, которой тогда было всего пятнадцать лет.

Родившийся зимой, в студеные сибирские морозы, младенец вскоре заболел воспалением легких. Молодые родители, испуганные возможностью потерять и этого сына, который уже посинел и задыхался от кашля, не знали, чем помочь в этой беде. К счастью, в дело вмешалась «старая мама» – бабушка ребенка. Она велела молодым срочно идти и хорошенько натопить баню. Хотя родители и недоумевали, как можно парить в бане такого маленького младенца с нежной кожей, послушаться «старую маму» им не приходило в голову.

После того как баня была натоплена, бабушка первым делом отправила туда старших – Григория Ефимовича и его жену Феодосию, чтобы они попарились и выпустили первый, самый сильный пар. А после них пошла в парную уже сама с трехмесячным Колей. Здесь она положила его на полочку и стала бережно парить веником, держа при этом над младенцем собственную руку, защищавшую детскую кожу от обжигающего пара. Больного младенца окутывало ровное целительное тепло, прогревшее все его маленькое тельце. После парной бабушка велела родителям тепло укутать Николая и дать ему хорошенько поспать. На следующее утро ребенок проснулся бодрым и здоровым, болезнь ушла.

Не случайно впоследствии Батюшка, которому историю его исцеления рассказывала мама, на всю жизнь полюбил русскую баню и хороший пар, спасаясь им от частых легочных заболеваний, склонность к которым он приобрел с той младенческой болезни. И даже в глубокой старости, слушая совет врача, который рекомендовал ему отказаться от парной, тихо ответил:

– Нам без бани никак нельзя.

Не считая той чуть не сгубившей его хвори, Коля рос здоровым и умным ребенком. Когда он уже немного подрос, ему нашли няню – двенадцатилетнюю девочку Марию, сестру жены Павла, старшего брата Батюшкиного отца Александра. С пяти лет Мария была в няньках у детей своей многочисленной родни, приглядывая за подраставшими племянниками и племянницами, пока их родители работали в поле. Мария очень полюбила Колю. В старости она вспоминала, что он был очень добрый и послушный мальчик. Отмечала она и его смышленность. Как и все дети, Коля очень любил, чтобы няня, играя, носила его на «закорках». Уговаривая ее поиграть, он при этом говорил, что сам возьмет в руки свои тапочки, чтобы няне было легче его носить.

Няня Батюшки – мон. Мария

Кормили ребенка в те голодные годы в основном простой крестьянской пищей – кашами, из которых Коле, как вспоминала няня, больше всего нравилась «горошница», делавшаяся из разваренного гороха. Летом младенцу доставались и лакомства – сладкие лесные ягоды. Батюшка вспоминал, как однажды женщины пошли в лес за голубикой и взяли его с собой. «Они одной рукой собирают в ведро, а я двумя – в рот, – рассказывал он. – Стали выходить из леса, смотрю – у каждой в руках по ведру ягоды. Я думаю: они одной рукой собирали в ведро, а я двумя – в рот. Значит, у меня там должно быть два ведра. Смотрю на свой живот и удивляюсь: как же они там поместились?»

От тех времен сибирского детства Батюшки осталась фотография, где он снят сидящим на бутафорской лошадке в возрасте четырех или пяти лет. Сделана она была на ярмарке в Ордынском, и это, наверное, одно из последних свидетельств пребывания отца Наума в Сибири. Вскоре семейной жизни супругов Байбородиных пришел конец.

Случилось это в 1932 году, вскоре после того, как умерла их последняя дочь Зинаида. Родительский подвиг самоотречения, возложенный на себя Пелагеей Максимовной – а вернее, попущенный их семье Промыслом Божиим, – видимо, оказался слишком тяжел для ее мужа. Потерять шестерых детей в младенчестве – тяжелейшее испытание для самого крепкого человека. Может быть, отчаяние от этих потерь охватило и Александра Ефимовича, заставив его сомневаться в своем браке. Тем более что его окружало множество соблазнов. Он был еще молод, красив, высок и очень силен физически. Вдобавок ко всему он выучился на водителя – а шофер в те времена был самым завидным женихом на селе после тракториста – кумира

сельской молодежи. На весь район в то время было всего двенадцать грузовых машин, а потому их водителей знала вся округа.

Ко всему прочему Александр Ефимович был еще и гармонистом. Его постоянно приглашали играть на свадьбах и других торжествах – и, конечно же, наливали и «благодарили». Где-то на одном из праздников он и встретил «разлучницу» из села Петровское и ушел к ней, оставив Пелагею с маленьким сыном. С новой женой он прожил до самой смерти, случившейся с ним в бытность еще довольно молодым и крепким человеком.

Пройдя всю войну фронтовым водителем, Александр Ефимович вернулся с полным набором медалей на груди. Он был так силен, что однажды в одиночку справился с целой шайкой хулиганов, напавших на него в парке, – в то трудное послевоенное время в Новосибирске, как и в других городах, был разгул преступности. В результате он не просто разбросал обидчиков в стороны, а еще и связал всех, передав прибывшей на место милиции со словами:

– Забирайте вашу шпану!

Но вскоре этого сильного и мужественного человека сгубил несчастный случай. Будучи как-то раз по делам в городе, он попал под сильный дождь и весь вымок. Постучался к городским родственникам с просьбой переночевать, однако те не приняли его. Александру Ефимовичу пришлось больше двух часов добираться в непогоду до дома. После этого он сильно заболел и, чувствуя, что дело совсем плохо, попросил свою родственницу Елизавету отвезти его в больницу на стоявшем под окном служебном «виллисе».

– Но я ведь не умею водить! – в растерянности ответила она.

Но он ободрил:

– Ничего, ты садись, а я тебе буду показывать, как рулить, куда нажимать.

Полулежа на переднем сиденье, он показывал ей, как управлять машиной, пока та везла его в Ордынское. Но было уже слишком поздно, и в 1948 году Александр Ефимович скончался от крупозного воспаления легких в районной больнице села Ордынского. Его похоронили на местном кладбище, однако, к сожалению, могила оказалась повреждена при строительстве рядом хлебозавода и до нашего времени не сохранилась.

Ни Пелагея Максимовна, ни Батюшка никогда ни одним словом не осудили Александра Ефимовича за уход из семьи, но всегда вспоминали только с добром и молились об упокоении его души. Закаленная перенесенными испытаниями, душа Пелагеи Максимовны глубоко прониклась духом Евангелия, возросла в христианских добродетелях. На этом пути ее укрепляли и «Божьи люди», продолжавшие оставаться на Русской земле, несмотря на все гонения и притеснения Православной веры.

Одним из таких «Божьих людей» был блаженный странник Алексей Струнинский, появившийся в тех краях в двадцатые годы. Он нигде не имел постоянного пристанища, но переходил из дома одних благочестивых людей в дом других, предлагавших ему ночлег. В заплечном мешке у него лежала только духовная литература, и он читал ее вслух хозяевам дома, в котором останавливался. Так он повсюду старался просвещать и укреплять народ, убеждая всех не верить революционной и атеистической идеологии новой власти, но твердо держаться Православия. Именно от него Пелагея Максимовна впервые услышала о Троице-Сергиевой Лавре, Сергиевом Посаде и о Струнине, с которыми впоследствии оказалась связана их с Николаем жизнь.

Помимо странника Алексея в селах оставались и другие «Божьи люди» – блаженные старцы и старицы, имена которых, к сожалению, не дошли до нас. Они продолжали поддерживать веру среди своих земляков, являясь для них духовными руководителями и молитвенниками. По словам Батюшки, Пелагея Максимовна имела к этим старцам и старицам такую веру, что ничего важного не делала без их совета и благословения. Послушание духовным руководителям она старалась сохранять всю свою жизнь, воспитывая в том же христианском духе и своего сына.

Эти прозорливые старцы и старицы еще в те далекие годы, когда повсюду закрывали храмы и монастыри, предсказали Пелагее Максимовне, что на ее родине со временем восстановят храм и откроется монастырь, в котором будут жить девицы. Веря их слову, Пелагея всю жизнь собирала для будущей обители все необходимое: облачения, плащаницы, иконы. Впоследствии, уже после ее смерти, все это действительно было передано в Михаило-Архангельский монастырь, открытый в селе Шубинка с благословения ее сына, архимандрита Наума.

Благочестивая жизнь Пелагеи еще в дни молодости успела принести заметные для других людей плоды. Несмотря на все тяжелейшие скорби, она всегда оставалась мирной и даже радостной. Ее подруга тех лет Мария, в крещении Манефа, рассказывала, что Пелагея для всех была утешительницей, всех поддерживала и укрепляла, хоть сама и перенесла такие скорби, оставшись одной с маленьким сыном на руках. Также и младшая сестра Пелагеи Мария Максимовна вспоминала о своей старшей сестре, что она всегда была очень жизнерадостной и потому все к ней, самой многоскорбной, приходили за утешением. И она всех поддерживала, будучи очень сильной и мужественной. Да еще и угощала, поскольку была гостеприимной, за что все в селе ее очень любили.

Но, несмотря на эту любовь к ней благочестивых односельчан, наступил день, когда Пелагее Максимовне пришлось оставить родную Мало-Ирменку и уехать вместе с сыном в дальние края. Так для них наступили долгие годы скитаний, годы нового испытания – подвига странничества.

Глава 3. Годы скитаний

Мать и сын. Пелагея Максимовна и юный Н. Байбородин

Раскулачивание и коллективизация

Объявленная еще В. И. Лениным новая экономическая политика продержалась в Стране Советов не слишком долго – всего около четырех или пяти лет. Едва русское крестьянство успело вытащить себя и страну из пропасти голода и отчаяния, в которую повергла их эпоха Гражданской войны и диктатуры «военного коммунизма» начала двадцатых годов, как оно вновь получило тяжелейший удар, от которого уже не смогло оправиться. И если в двадцатые годы советская власть предполагала вводить коммунизм на селе в форме коллективных хозяйств постепенно и исключительно на добровольной основе, то уже буквально к концу того десятилетия пресловутая «коллективизация» стала кошмаром наяву для русской деревни.

В 1927 году британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. В ответ советское руководство разразилось «нашим ответом Чемберлену» и начало вновь готовиться к возможной войне с Антантой. В советских газетах целый год писали об этом надвигающемся сражении, из чего русский крестьянин сделал собственные выводы, продиктованные горьким опытом влияния на его судьбу предыдущих двух войн и революций. Рассудив, что во время войны деньги неминуемо обесценятся, как это уже не раз бывало на народной памяти, крепкий хозяин решил приберечь выращенный хлеб и не продавать его государству по тем и без того заниженным ценам, которые предлагала государственная закупка.

В результате в начале 1928 года выяснилось, что все планы по хлебозаготовкам провалены, хлеба у государства нет и в самое ближайшее время города ожидает голод, начало которого уже ознаменовалось повсеместными длинными очередями за хлебом. Прекрасно понимая, к чему такие очереди неминуемо приведут, – недаром ведь искусственно созданные перебои с поставками хлеба в Петроград помогли в 1917 году свергнуть «проклятый царизм», – власти приняли экстренные меры.

Уже в начале 1928 года вся вина за невыполненные хлебозаготовки была возложена на того самого кулака, который продолжает сознательно вредить советской власти и потому не хочет делиться с ней хлебом. Предложенный план борьбы с этим явлением был прост и означал фактический возврат к временам и практике продразверсток, только виновным теперь грозили не просто изъятие «хлебных излишков», но показательная конфискация всего имущества, включая весь хлеб, и принудительная высылка либо тюрьма или даже расстрел. Кроме того, власти дали понять, что обеспечить полное устранение угрозы повторения подобной ситуации на будущее может только совершенное уничтожение «кулака как класса» и всех сочувствующих ему подкулачников. Остальные же должны быть объединены в колхозы и совхозы, что позволит обеспечить постоянное снабжение государства хлебом в плановом порядке.

«Товарищи на местах» ринулись выполнять решение вышестоящих органов со всей рьяностью и революционной прямотой. Выявление кулаков на селе очень напоминало охоту на ведьм. Каждый район Сибирского края (в состав которого входили тогда территории современной Новосибирской области) получил «сверху» разнарядку на определенное количество кулаков, которых надо было «выявить», и хлеба, который надо было сдать государству. Нормы подлежащего изъятию хлеба были распределены по селам среди тех, кто был записан в кулаки и середняки, сельская же беднота от поборов освобождалась.

Демонстрация сельской бедноты за «раскулачивание». 1931 г.

После сдачи этих нормативов у крестьянина зачастую не оставалось зерна ни на прокорм своей семьи, ни даже на посевную (а как раз перед посевной 1928 года началась кампания по сдаче хлеба). Попытки возмущения некоторых хозяев, пробовавших открыто отказаться от сдачи хлеба, были пресечены с предписанной жесткостью, так что оставшиеся были испуганы настолько, что Ордынский район даже оказался среди перевыполнивших план по поставкам зерновых государству. Что же до возмущавшихся, то наказание в отношении них носило показательно-устрашающий характер: некоторые хозяева были расстреляны, некоторые посажены в тюрьмы или отправлены на каторжные работы, остальные сосланы вместе с семьями на самый север Сибирского края. При этом все без исключения, конечно, были обобраны до нитки, так что оставшимся в живых в пору было идти по миру побираться.

В следующем, 1929 году все повторилось заново – советские служащие с помощью комсомольцев и активистов проводили обыски по домам, отыскивая припрятанное крестьянами зерно и выявляя злостных кулаков и подкулачников. Нередко такие поиски превращались в откровенные грабежи, когда помимо хлеба у зажиточных хозяев разгулявшейся «беднотой» разворовывались прочие припасы и предметы быта. По свидетельствам очевидцев тех событий, ходившим по дворам активистам ничего не стоило в процессе поисков зерна выпить все обнаруженное в доме вино, съесть весь запас пельменей, отобрать и надеть хорошую одежду, свести со двора лошадь.

Кое-где к активистам примкнули явные уголовники, превратившие борьбу с кулаками в откровенное мародерство. Не довольствуясь местными зажиточными крестьянами, они принялись грабить всех проезжавших через село, отбирая даже нехитрый скарб, вплоть до нижних юбок и подушек.

Тяжелее всего в этом отношении приходилось семьям высылаемых на север края кулаков. Так, секретарь Ордынского райкома партии Шипилов заявил, что у кулаков «надо экспроприровать все, вплоть до утильсырья». Эта установка выполнялась буквально: рьяные «экс-

проприаторы» забирали даже ношенные валенки, а, например, у одного ребенка из высылаемой семьи отобрали чернильницу, ученическую сумку и двадцать копеек¹⁵.

Сколько этих ограбленных людей, лишенных запаса продуктов, фуража для лошадей, сельхозинвентаря и даже теплых вещей, в результате смогли выжить в суровых условиях севера Томской области или Нарыма, куда их отправляли под конвоем, сейчас трудно предположить. Наступивший повсеместно под видом «классовой борьбы» уголовный беспредел лучше всего выразил один из сибирских советских работников, напутствуя активистов перед раскулачиванием словами: «Все законы аннулированы!»¹⁶

Выселение кулака из родного села

В том же духе шел и проводимый одновременно с раскулачиванием процесс коллективизации. В 1929 году в Ордынском районе была провозглашена «сплошная коллективизация». Это означало не только полное уничтожение кулацких хозяйств и сочувствующих им подкулачников, но и упразднение единоличных, то есть частных, хозяйств вообще, которые отныне должны были организоваться в колхозы. На практике это осуществлялось по принципу: «Колхоз – дело добровольное: хочешь – вступи, не хочешь – хату сожжем!»

На местах в качестве средств побуждения к вступлению в колхозы использовались такие меры, как запреты упорствующим «единоличникам» продавать и приобретать необходимые им товары в сельских магазинах, оказывать медицинскую помощь, у них отбирались лошади, сельхозинвентарь и запасы семян. Так, один из местных ордынских «райуполномоченных» по фамилии Строганов, встречая отказ «вписаться в коммунию», попросту «записывал у крестьян лошадей в коллективное хозяйство», заявляя: «Считай, что твоя лошадь за тебя все решила.

¹⁵ См.: Лыков О.М. Звезда над Обью. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 2006. С. 173.

¹⁶ См.: Лыков О.М. Ордынская хроника. Книга вторая. Трагедия и подвиг Ордынской земли. Новосибирск: Сибирское книж. изд-во, 2010. С. 43–46.

Она тебя умнее и уже вступила в колхоз. Завтра ступай в колхоз вслед за ней, а не пойдешь – поедешь в Нарым, клюкву по кочкам собирать!»¹⁷

Открытый отказ вступить в колхоз расценивался как признание себя кулаком или подкулачником, даже если по зажиточности такому единоличному хозяйству до кулацкого было далеко. Последствия всё те же: высылка на Север «клюкву собирать» с конфискацией всего имущества. Такой же участи подвергались те, кто отказывался сдавать запасы семян для хранения в общественном амбаре, – мера, которая была введена для страхования успешности запланированного на весну 1930 года «второго большевистского сева». Те, кто рассудил, что его семенное зерно будет сохраннее припрятанным в собственном доме, рассматривались как «замаскированные кулаки», задумавшие из враждебности к советской власти сорвать «большевистский сев».

Так что весной 1930 года вновь начались обходы дворов, сопровождаемые выламыванием стен и полов в домах, погребках и амбарах в поисках спрятанного зерна, а также мелкими и крупными грабежами. В том случае, если поиски проходили с успехом и у подозреваемого удавалось обнаружить потайной «схрон», разграбление его хозяйства совершалось уже в полную силу – все равно имущество такого подкулачника подвергалось полной конфискации при высылке.

И все же, несмотря на все эти меры, сибирские крестьяне в колхозы идти решительно не хотели, причем не только зажиточные, но нередко и числившиеся в «бедноте». Первые коммуны, созданные сельской беднотой еще в самом начале установления советской власти, успели своим примером лишь отвратить от идеи таких коллективных хозяйств большинство трудолюбивых крестьян. Эти коммуны не могли существовать без постоянных дотаций государства, поскольку эффективность их хозяйств была чрезвычайно низкой, и то, что им удавалось произвести, они главным образом сами же и потребляли. Пьянство, бывшее главной причиной бедности среди крестьян хлебобородной Сибири, продолжало процветать и в среде новоиспеченных коммунаров, а царившие здесь уравниловка и обязателька отнюдь не способствовали усердному труду.

¹⁷ Там же. С. 52.

«Счастливые» крестьяне голосуют за колхоз

Сама идея такого образа ведения хозяйства настолько противоречила ценностям крепкого сибирского крестьянина, что идея колхозов встретила отпор даже у представителей сельсоветов и сельских коммунистов. Например, в селе Сушиха секретарь местной партийной ячейки и член партийного бюро открыто высказывали, что «никакого толку от всех этих батраков не будет, куда хошь их соединяй. Батраки все – пьяницы и лодыри, даже в партию из них некого принять». А в селе Верх-Ирмень, соседнем с Мало-Ирменкой, в котором жили Байбородины, члены местной партиячейки, насчитывавшей двенадцать членов партии и двенадцать кандидатов, заявили, что «лучше из партии, чем в коммуну»¹⁸.

При таком положении дел местным районным руководителям, уже объявившим успех «сплошной коллективизации» в Ордынском районе, пришлось прибегать к жестким мерам. Несогласные с их политикой сельсоветы разгонялись, члены партии, даже с большим стажем, безжалостно из нее исключались, а повсеместная агитация за вступление в колхозы продолжалась с удвоенным энтузиазмом и тем же насилием, что и прежде. К лету 1930 года в Сибири были подвергнуты репрессиям уже около ста тысяч человек. Из них десять с половиной тысяч проходили по так называемой «первой категории» – с расстрелом или каторгой для главы семьи и с конфискацией имущества и ссылкой для остальных ее членов. По «второй категории» более восьмидесяти двух тысяч человек были лишены имущества и сосланы на север Томской области. Еще пятьдесят тысяч семей оказались просто разорены той же конфискацией, однако им

¹⁸ Там же. С. 34–35.

было позволено остаться в родных краях¹⁹. Результат этой деятельности едва не поставил советскую власть перед угрозой новой полномасштабной крестьянской войны, а сельское хозяйство – на грань полного развала.

На произвол и притеснения властей крестьяне Западной Сибири отвечали как могли. В 1930 году здесь действовали около восьмисот кулацких банд, совершивших порядка тысячи террористических актов, направленных против советских служащих, комсомольских активистов и организаторов колхозов. Но это был заведомо обреченный путь, поскольку разрозненные крестьянские выступления не могли перерасти в нечто большее, не имея ни общего лидера, ни единой организации. В Сибири, где на тридцать пять дворов приходился в среднем один милицейский штык, не считая регулярных войск, партизанское движение не могло продержаться долго.

Другим повсеместным актом протеста людей, приговоренных властью к раскулачиванию и коллективизации, было самостоятельное уничтожение собственного хозяйства – раз уж его и так суждено было потерять. Начались масштабный забой скотины и заготовка мяса впрок, чтобы как-то продержаться первое время в колхозе и не отдавать чужакам трудами нажитое добро. Весной 1930 года в стране было забито пятнадцать миллионов голов крупного рогатого скота, треть всех свиней и четверть овец²⁰.

Еще одним широко распространявшимся способом уберечься от раскулачивания и коллективизации было массовое бегство крестьян из родных мест. Не стали исключением и села Ордынского района. Причем побегии эти осуществлялись порой с решительностью и изобретательностью. Так, бывший лавочник из села Усть-Хмелевка летом 1929 года за ночь разобрал свой только что срубленный дом, сделал из него плот, погрузил на него семью и пожитки и уплыл по Оби до Новосибирска. Здесь он вновь собрал из бревен плота дом и спокойно прожил на новом месте всю жизнь, так и не решившись больше никогда даже навестить родную деревню. Жители небольшой деревни переселенцев из Тамбова, которых уполномоченный заставлял на следующий день вступить в колхоз, пообещали подумать до утра. Ночью же вся деревня скрытно собрала вещи, запрягла лошадей и уехала в неведомом направлении, так что, проснувшись наутро, уполномоченный обнаружил лишь пустые дома.

Один из очевидцев тех событий вспоминал впоследствии: «На моих глазах те, кто побогаче, разъезжались кто куда. Взять хотя бы отца брата Филиппа, который в Ордынке жил. Когда начали организовывать в Ново-Кузьминке колхоз, он ночью запряг свою пегую кобылу и со всей семьей рысью прямо в Камень-на-Оби, там – на пристань да на пароход! Его сын, Александр Третьяков, который сейчас в Козихе живет, потом рассказывал, что вся семья уже на пароходе, а отец все бегаёт по пристани, ищет, кому бы лошадь продать. Лошадь у него хорошая, но он готов ее продать за двадцать, даже за десять рублей – ну не бросать же ее просто так, да еще вместе с телегой. В конце концов он продал ее за бесценок какому-то случайно подвернувшемуся мужику. Сел мужик на телегу, хлестнул лошадь и поехал. Дядя Филипп глядел ему вслед и плакал. Он же не лошадь продавал, а можно сказать, со всей прежней жизнью прощался. Потом они плыли по Оби, дальше уже по Иртышу, заехали куда-то далеко в Восточный Казахстан, где их никто совершенно не знал. Там и жили вплоть до 1968 года. Только тогда дядя Филипп решил вернуться на родину»²¹.

Нельзя сказать, что власти никак не препятствовали такому бегству. На выезде из района по решению местных сельсоветов были выставлены заградительные отряды из сельской бедноты. Они поворачивали выезжавшие подводы обратно, заодно грабя имущество тех, кто выглядел зажиточно. Вскоре невозможно стало выехать не то что из района, а даже за сельскую

¹⁹ См.: *Лыков О.М.* Звезда над Обью. С. 173–174.

²⁰ См.: *Лыков О.М.* Ордынская хроника. Книга вторая. Трагедия и подвиг Ордынской земли. С. 57, 60–61.

²¹ Там же. С. 47–49.

околицу. Но и это не помогло удержать всех. К концу 1932 года из Ордынского района уехал почти каждый десятый житель, не считая высланных принудительно, так что в некоторых селах треть домов стояли пустыми.

Оставшиеся на родной земле и насильно согнанные в колхозы люди не испытывали особенного душевного подъема от перспективы работать на кого-то, а не в собственном хозяйстве. Поэтому широко распространились равнодушие к успехам «общественного» хозяйства, пьянство, прогулы. В результате производительность упала в разы, что не замедлило сказаться на урожаях. Так в Советском Союзе появились острый недостаток продуктов сельского хозяйства, карточная система и пресловутый «дефицит».

Беды Мало-Ирменки

Все эти трагические для русского крестьянства события отразились и на семьях Байбородиных и Шеньгиных, живших в селе Мало-Ирменка того же Ордынского района. Первая коммуна здесь организовалась еще в 1920 году и называлась «Сибирское Красное Знамя». Тогда в нее вступили двадцать три хозяйства из двух деревень. В 1921 году коммунары получили земельный надел в четырех километрах от села, на берегу небольшой речки Шубинки. Во время коллективизации и раскулачивания из Мало-Ирменки для постройки жилья в коммуну были свезены самые лучшие дома. Позднее один такой кулацкий дом вернулся в село, когда коммуна распалась.

Крестьянин из Шубинки Николай Шилов с женой вступили в коммуну с коровой и двумя лошадьми, но потом вышли из нее и вернулись в свое село. Николай, видимо, по практическим соображениям стал коммунистом. На собрании добились от него согласия, чтобы он в числе других отдал амбар. Жена стала ругать его и твердо сказала:

– Амбара не отдам!

На второй день из коммуны приехали разбирать амбар. Жена Николая надела тулуп, поскольку дело было зимой, взяла вилы, залезла на амбар и крикнула приехавшим:

– Попробуйте подойдите!

Старший пригрозил:

– За простой лошади отвечать будешь!

– А я их, – отвечала она, – сюда не посылала и отвечать не собираюсь!

Так и отстояла амбар. Однако далеко не всем посчастливилось так же легко отклонить посягательства на свое имущество.

Несмотря на то что деревня считалась бедной, в ней в кулаки записали почти 13 процентов дворов – что было в два раза больше тех же показателей по всей Сибири, где такими считались лишь 6–7 процентов всех крестьянских хозяйств. Однако местный комитет сельской бедноты сам произвольно решал, кого назначить кулаками. Поэтому весной 1929 года из более чем трехсот дворов задание по заготовкам хлеба было возложено лишь на их половину. Сто шестьдесят дворов бедноты совершенно освобождалось от хлебозаготовок, разделявшихся между сорока четырьмя дворами кулаков, которым предстояло сдать две трети всего хлеба, и ста одиннадцатью дворами середняков, на плечи которых легла оставшаяся треть. Норма заготовок и для кулацких, и для середняцких хозяйств оказалась такой, что это фактически означало совершенное разорение тех и других. Кроме того, сам факт принадлежности к кулакам или зажиточным середнякам означал клеймо, отмечавшее жертв будущих репрессий.

Семь середняцких хозяйств Мало-Ирменки решительно отказались от выполнения задания по хлебозаготовкам. В результате их обязали выплатить штраф, пятикратно превышавший наложенное задание, обобрав таким образом эти некогда крепкие крестьянские хозяйства буквально до нитки. Еще два середняцких хозяйства отказались и от задания по сдаче хлеба, и от уплаты пятикратного штрафа. В ответ советская власть арестовала хозяев, их имущество было описано и продано с торгов – и эта мера настолько напугала прочих, что план по хлебозаготовкам в Мало-Ирменке оказался перевыполнен.

Большинство раскулаченных ссылали на самый север Томской губернии для строительства речного порта Парабель. У Анны Тимофеевны, одной из шубинских старожилок, раскулачили братьев и с ними несколько других семей из Шубинки. Анна Тимофеевна вспоминает, что «их брали прямо из домов, даже не дали времени на сборы, сразу согнали в школу, а оттуда в Ордынское. Отправляли на пароходе по Оби. Когда прибыли в порт Парабель, пешком погнали в тайгу. В тайге было много мошкары и гнуса, и все были опухшие от укусов. У многих на руках были грудные дети. Остановили их на какой-то поляне и сказали:

– Селитесь здесь!

А у многих – только узелки в руках – ни топора, ни ножа, ни веревки. С трудом сделали шалаши. Только через пять дней привезли топоры и еду и стали прорубать дорогу к порту. По завершении этой работы им стали привозить инструменты и продукты. Лес таскали на себе и кое-как строили избенки. Многие умерли в те дни. Сейчас на этом месте стоит большой поселок Верхний Яр. У оставшихся жителей Шубинки забирали все запасы, какие находили в домах. Голодно было, ходили в поле собирать колоски, а весной ели траву».

Среди наказанных ссылкой крестьян оказался и Максим Дмитриевич Шеньгин – дедушка будущего отца Наума и родной отец его мамы Пелагеи Максимовны. Он был сослан на принудительные лагерные работы в каменоломнях, откуда уже не вернулся в родные края.

В следующем, 1930 году продолжились насильственная коллективизация и борьба с кулаками, во время которых царили прежний произвол и сведение личных счетов, уничтожавшие целые семьи. Так, один из очевидцев вспоминал, что в Мало-Ирменке на этом поприще отличилась некая Клаша Наумиха: «Она сердилась на Пешковых, их шестеро братьев было, за то, что один из них ее в молодости замуж не взял. И она попала в эту комиссию по раскулачиванию – “тройку”. Так она их всех посадила. Всех! Они же не имели права что-то обжаловать»²².

С той же жестокой рьяностью совершалось и принудительное вливание крестьянских хозяйств в колхозы, в которых к началу весеннего сева 1930 года они должны были оказаться в полном составе. Потом, во время покаяния в «головокружении от успехов», местные партийцы даже сами признавали, что «в ряде мест были допущены меры принудительного насаждения колхозов, в особенности это было в Понькино, Мало-Ирменке, Вагайцево, Козихе, где были попытки эти села полностью влить в старые существующие коммуны»²³. Но для семьи Байбородины эти признания мало что значили: их, как и других жителей Мало-Ирменки, уже успели загнать в колхоз села Козиха, куда от них каждый день надо было добираться полями за девять верст пешего пути.

Тот самый «второй большевистский сев» 1930 года, на который советским руководством возлагались такие надежды, в Ордынском районе не принес ожидаемого урожая. Работавшие «из-под палки» в колхозах крестьяне сумели засеять лишь две трети посевных площадей. Однако большую часть и без того сократившихся посевов погубили ранние заморозки и случившаяся летом засуха. Когда урожай был собран, выяснилось, что на каждого приходится всего по сто грамм зерна в день. В районе начался голод. Чтобы как-то выжить, колхозникам пришлось на зиму оставить на хозяйствах по несколько человек, а остальным разъехаться на заработки в города.

Тогда решили покинуть родные края и братья Байбородины, чувствовавшие, что здесь они находятся в постоянной опасности. Павел Ефимович в селе числился как «зажиточный середняк», что могло в любой момент привести к обвинению в сочувствии кулакам, аресту и высылке. Ему удалось добыть в сельсовете справку, где он значился просто середняком. С такой справкой можно было безопасно уехать в любое место. Поэтому однажды ночью братья Павел и Алексей, собрав семьи и пожитки, тайно уехали из села и направились во Владивосток. Здесь они устроились на работу в порту докерами, поселившись в районе, называвшемся Второй Речкой, и вместо справок из сельсовета смогли сделать себе настоящие паспорта.

Дóма, в Мало-Ирменке, остался не решившийся на переезд Григорий Ефимович, самый старший из братьев, бывший уже пожилым человеком. К тому же Григорий Ефимович был женат на Феодосии, с которой прожил всю жизнь душа в душу, несмотря на то что она была совершенно глухой от рождения. Ей с такой инвалидностью переезд на новое место дался бы

²² Там же. С. 57.

²³ Там же. С. 65.

еще труднее, чем прочим. Остались в деревне и сестра Афанасия и младший из братьев Александр Ефимович с семьей.

Однако, когда после смерти младшей дочери Зинаиды Александр ушел из семьи, Пелагея Максимовна тоже задумалась о переезде. Голод, тяжелая работа в колхозе далеко от дома, при этом тяготы ведения в одиночку домашнего хозяйства и воспитания маленького сына да еще клеймо дочери репрессированного кулака, врага народа давали достаточно поводов решиться на отъезд из родного села.

К тому же исчезло и последнее утешение для верующей души Пелагеи Максимовны – прекратились богослужения в церкви Михаила Архангела в Мало-Ирменке, стоявшей пустой до 1934 года, когда ее передали под сельский клуб. Храмы во всех окрестных деревнях превратили в клубы еще в 1931 году, так что ближайший открытый храм сохранялся лишь в райцентре – селе Ордынском. Здесь «старую» церковь в честь святителя Николая, где крестили Пелагею и ее братьев и сестер, закрыли в том же, 1934 году, а «новую» – в 1937-м. Но до Ордынского было около двадцати километров пути, и с маленьким ребенком на руках часто туда не находишься.

Хуже было то, что сельские активисты не оставляли в покое верующих людей и в их личной жизни, проводя антирелигиозные рейды по домам, убеждая отказаться от веры в Бога, выбросить иконы и духовные книги. Один из таких рейдов однажды зашел и в дом к Пелагее Максимовне в то время, как у нее на столе лежало раскрытое Евангелие. Но Пелагея не потеряла самообладания, приветливо поздоровалась с вошедшими в сени комсомольцами и сказала:

– Подождите, я только выйду корове очистков отнесу!

Незаметно положив в ведро Евангелие, она прикрыла его сверху картофельными очистками и вынесла из избы, вернув на место уже после ухода активистов.

Но долго скрывать свою веру в селе, где все хорошо друг друга знают, было невозможно. Так что после ухода Александра Пелагея Максимовна с пятилетним Колей отправляется в далекий Владивосток к братьям бывшего мужа. С ними у нее сохранились самые добрые отношения, и они обещали помочь с обустройством хотя бы на первых порах. Начались долгие годы странствий, в течение которых маленький Коля вместе с мамой объехал всю огромную страну от Дальнего Востока до Средней Азии.

Переезд на Дальний Восток

Чтобы добраться от Мало-Ирменки до Владивостока, нужно было сначала попасть под водой или пароходом по реке Оби в Новосибирск, до которого было около сотни километров. В Новосибирске можно было сесть на поезд до Владивостока, который расстояние почти в шесть тысяч километров проходил примерно за неделю. По знаменитой Транссибирской железной дороге поезда шли через Красноярск и Иркутск, огибали с юга Байкал по Кругобайкальской дороге и двигались на Читу, а оттуда – на Хабаровск, оставляя в стороне Китайско-Восточную железную дорогу, движение по которой для советских поездов было закрыто после разразившегося в 1929 году военного конфликта. От Хабаровска до Владивостока оставались последние сутки пути, лежавшего через «Амурское чудо» – почти четырехкилометровый мост, соединивший берега Амура рядом с Хабаровском и до революции называвшийся Алексеевским в честь наследника престола. Затем, оставляя слева силуэты гор Сихотэ-Алинь, состав достигал побережья Японского моря. Здесь, на берегах Уссурийского и Амурского заливов, расположилась столица Приморского края – город-порт Владивосток.

Начавший свое существование в 1860 году как маленький военный пост среди дубовых лесов и высоких зеленых сопок, Владивосток стремительно развивался, за краткие годы своей истории превратившись в огромный город, населенный сотней тысяч выходцев из самых разных народов и стран. За последние семь лет перед Первой мировой войной, когда порт Владивостока стал местом беспроходной торговли, сюда отовсюду устремились торговцы, моряки и рабочие. Так в центре и на окраинах города выросли китайские кварталы Большой и Малой Миллионки, ставшие пристанищем для нескольких десятков тысяч китайцев, с собственным рынком, опиумными притонами и подпольными казино. С китайцами соседствовала Корейская слободка, куда стремились тысячи переселявшихся в Приморье корейцев и маньчжуров, а у японцев здесь был собственный квартал Нихондзин Мати. Компактными общинами селились близ порта евреи, армяне, грузины, татары, эстонцы, немцы, французы, американцы и прочие народности, создавая свои кварталы и районы. Собственно русского населения в городе было меньше половины. Здесь процветали торговля и контрабанда, промышленность и рыбная ловля. Пережив затянувшиеся тут дольше, чем в других краях страны, Гражданскую войну и иностранную интервенцию, в двадцатые годы город сразу окунулся в кипучую эпоху НЭПа, минуя ужасы «военного коммунизма», и за три года стал самым доходным портом СССР.

В тридцатые годы население Владивостока продолжало расти – и не только за счет бежавших из деревень от раскулачивания и коллективизации бывших крестьян, как братья Байбородины. Составы, двигавшиеся непрерывным потоком по Транссибирской магистрали, везли сюда десятки и сотни тысяч заключенных, приговоренных к различным срокам ИТЛ – исправительно-трудовых лагерей, которые были частью системы выраставшего, словно государство в государстве, огромного «Архипелага ГУЛАГ». В июле 1929 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», положившее начало крупнейшему в истории опыту создания хозяйственной системы, основанной на использовании рабского труда заключенных.

В том же году в Колымском крае были открыты промышленные месторождения золота. А уже в 1931-м была создана система лагерей Севвостлага, подчиненная тресту «Дальстрой», которая должна была наладить добычу золота на Колыме, а заодно выстроить всю необходимую для этого инфраструктуру: дороги, пристани, перерабатывающие предприятия. В бухте Нагаева вырос город-порт Магадан – столица Колымского края, куда прибывали с «материка» печально знаменитые пароходы «Джурма» и «Дальстрой» с набитыми тысячами заключенных трюмами. Здесь их сортировали и отправляли по разным «командировкам», как назывались лагерные пункты, составлявшие вместе огромную систему лагерного хозяйства, способную

вместить до ста семидесяти тысяч человек одновременно. Освободившись от своего страшного груза, пароходы отправлялись за новыми партиями заключенных в порты Находки и Владивостока, куда те попадали из Владивостокского пересыльного лагерного пункта.

Находился этот транзитный лагерь как раз в районе станции Вторая Речка²⁴, где поселились братья Байбородины и куда переехала на жительство Пелагея Максимовна с шестилетним Колей. Лагерь этот мог вместить почти двадцать тысяч человек, ожидавших здесь своего рейса на Колыму. Поскольку навигация осуществлялась не круглый год, а лишь с мая по ноябрь, то в остальные месяцы здесь происходило накопление заключенных, прибывавших долгими этапами по той же Транссибирской магистрали со всех концов Советского Союза. Поэтому кто-то из них проводил здесь всего несколько дней, кто-то – несколько недель или месяцев, а кто-то остался навсегда в земле этой транзитной зоны, как знаменитый русский поэт О. Э. Мандельштам, скончавшийся здесь в 1938 году.

Через Владивостокскую пересылку в разные годы прошли такие известные заключенные ГУЛАГа, как создатель русской космонавтики С. П. Королев, герой войны генерал А. В. Горбатов, писатель и педагог Е. С. Гинзбург, писатель В. Т. Шаламов и многие, многие другие. Что это была за тюрьма? Об этом можно судить по некоторым сохранившимся воспоминаниям. Так, Евгения Соломоновна Гинзбург, прошедшая своим крестным путем через Владивостокскую «транзитку» в 1939 году, позднее писала о ней:

«Транзитка представляла собой огромный, огороженный колючей проволокой, загаженный двор, пропитанный запахами аммиака и хлорной извести (ее без конца лили в уборные). Я уже упоминала об особом племени клопов, населявших колоссальный сквозной деревянный барак с тремя ярусами нар, в который нас поместили. Впервые в жизни я видела, как эти насекомые, подобно муравьям, действовали коллективно и почти сознательно. Вопреки своей обычной медлительности они бойко передвигались мощными отрядами, отъевшиеся на крови предыдущих этапов, наглые и деловитые. На нарах невозможно было не только спать, но и сидеть. И вот уже с первой ночи началось великое переселение под открытое небо. Счастливым удавалось где-то раздобыть доски, куски сломанных клеток, какие-то рогожи. Те, кто не сумел так быстро ориентироваться в обстановке, подстилали на сухую дальневосточную землю все тот же верный ярославский бушлат»²⁵.

Сохранилось описание этого лагеря и у дивеевской монахини матушки Серафимы (Булаковой):

«Самым страшным испытанием для меня была Владивостокская пересылка. Я сидела со шпаной. Мы жили там четыре месяца зимой. Она была набита. Условия были там ужасные. Во-первых, было очень мало воды. Давали по кружке на человека в день – это и чтобы пить, и умываться и т. п. В коридоре стояла большая бочка, куда выливали помои, но и мочились иногда ночью туда же; и вот этой водой дежурные мыли полы, так как другой не было. Вонь была страшная.

Там была мужская и женская половины, их отделяла стена. В этой стене была проделана дырка, которая на день закрывалась. И вот ночью приходили “женихи” с огромными ножами. Я всегда старалась сохранить чистоту души, а пришлось познать всю глубину человеческого падения. Там ведь были такие бандиты. . . Соседка по нарам рассказывала, правда, тоже с ужасом, как она участвовала в “мокром деле”: бандит зарезал ребенка в люльке и с наслаждением облизывал кровь с ножа. Такие там были люди. Бывало, проснешься от криков – бьют кого-

²⁴ Названия некоторых районов Владивостока происходят от небольших речушек, впадавших в воды Петровского залива. Имена эти звучат порою несколько необычно. Так, помимо Первой и Второй Речек, здесь есть еще река Объяснения и речка Седанка, также давшие названия городским районам. В советское время пять районов, на которые был разделен Владивосток, получили другие официальные имена, но и народные не забылись и продолжают широко использоваться в повседневной жизни. Вторая Речка теперь входит в состав Советского района города.

²⁵ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 303.

нибудь, или грабят, или режут – повернешься на другой бок, уши заткнешь и снова спишь. Как только выдержала, не знаю. Какие уж после этого могут быть нервы?

А было там еще вот что: был целый барак – венбарак – сифилитиков. Так вот что: пришел новый этап, места ему не было, и лагерное начальство решило поместить его в венбарак, а сифилитиков – в наши бараки запустить. А те закрылись изнутри, не пускают, говорят:

– В зоне все хорошие места заняты! Куда вы нас гоните? Где нам, под нарами спать? Не пойдем!

Тогда начальство разрешило им занимать любые места, которые они хотят. И вот ночью мы спим, вдруг страшные крики, врывается толпа сифилитичек, все в язвах, знаете ли, этих, грязные, и начинают всех сбрасывать с нар или прыгать и втискиваться между людьми. Это все была шпана. Так и сидели потом с ними. Пили из одной посуды, мылись в одной бане – как только Господь сохранил, не знаю»²⁶.

Помимо этого пересылочного пункта, по своему размеру являвшегося полноценной «зоной», в районе Второй Речки был и «обычный» лагерь, относившийся к системе Владлага – Владивостокского управления лагерей, заключенные которого использовались на строительстве промышленных предприятий Владивостока, переработке рыбы и морепродуктов. Их охраняемые конвоем отряды можно было встретить на городских улицах, когда лагерных узников разводили для работ в те места, где применялся их труд. Таким были окружение и та среда, в которой проходили детские годы будущего отца Наума.

Однако, несмотря на эти мрачные черты советской действительности, свойственные быту района Второй Речки того времени, детская память сохранила для Батюшки иные, более светлые воспоминания. Здесь у шестилетнего Коли проявилась та необычайная тяга к знаниям и учебе, которая затем сопровождала его всю жизнь. Несмотря на маленький возраст, он стал упрашивать маму отдать его в школу. Спустя многие годы сам Батюшка вспоминал об этом так:

«Там, где мы жили раньше²⁷, школы не было. А на новом месте школа была. У меня тогда появилось сильное желание учиться. А был уже конец учебного года – март. Стал просить маму отвести меня в школу, а она отвечает:

– Коля, да ведь уже поздно – пойдешь со следующего года!

А я все прошу и прошу. Ей это надоело, и она мне говорит:

– Ну, иди сам, если так хочешь!

Как сейчас помню, школа была на бугорке. Я подошел с заднего двора и стою. А там учителя сидят и пьют чай.

– Ты, мальчик, что здесь стоишь? – спрашивают меня.

Я отвечаю:

– В школу хочу, учиться!

– Так ведь уже поздно, – говорят они мне, – год уже кончается. А ты считать умеешь?

– Да!

Задали мне задачку, я им что-то там сосчитал.

– А читать, писать умеешь?

– Да, умею! – говорю, – со мной мама занималась немного.

Одна учительница была очень добрая такая, говорит:

– Ну, ладно, возьму тебя к себе в класс. Приходи!

Я и пришел на другой день. Она думала, что я один день посижу, а на другой мне надоест и больше не приду. А я и на другой день пришел, и на следующий. Задачи задают – я их решаю. Она по доброте и перевела меня во второй класс вместе со всеми. Но похвальные листы стала

²⁶ Воспоминания матушки Серафимы (Булгаковой) // Надежда. Душеполезное чтение. Вып. 15. Цюрих: Мюлуз, 1991. С. 239–240.

²⁷ То есть в Мало-Ирменке.

давать только с третьего. Хоть была и добрая, но ждала, пока я все “хвосты” подтяну. Вот такие раньше были хорошие учителя!»

Так Батюшка с опережением изучал школьную программу, показывая особенно хорошие успехи в математике, и за годы жизни во Владивостоке успел окончить начальную школу.

Судьбы семьи Байбородиных

В 1937 году братья Байбородины решили вернуться на родину. Вместо справок из сельсовета они успели во Владивостоке сделать себе «чистые» паспорта, которые вместо сомнительного «зажиточно-средняцкого» происхождения указывали на благонадежную принадлежность к «рабочему классу» их владельцев как докеров Владивостокского порта. С такими документами было не страшно показаться обратно в Сибирь. Однако в родную деревню братья ехать не рискнули, осев в Новосибирске, где легко было затеряться, не вызывая лишних вопросов и подозрений.

Здесь Павел Ефимович устроился работать на мясокомбинат. По молитвам праведных сродников Господь хранил его, несмотря на неоднократно грозившие его жизни опасности, в том числе и от собственной горячности и несдержанности при виде несправедливостей окружавшей жизни. Так, однажды он осмелился критиковать начальство мясокомбината, которое не преминуло ему за это отомстить. Когда началась Великая Отечественная война, Павел Ефимович, будучи 1891 года рождения, имел уже непризывной возраст и не должен был идти на фронт. Однако начальство настояло на его отправке в армию в качестве возчика в обозе.

Неоднократно его обоз попадал под обстрелы и бомбежки, но Павел Ефимович оставался цел и невредим, несмотря на существовавший тогда приказ командования расстреливать на месте возчика, у которого погибнет лошадь. Однажды во время налета немцы разбомбили их обоз. Рассудив, что смерть ждет его в любом случае – погибнет ли он во время бомбежки, спасая лошадь, или за ее потерю будет расстрелян позже, – Павел решил спасаться сам и, найдя воронку от разрыва, укрылся в ней на время налета. Когда же тот закончился, он с тревогой пошел искать своих лошадей – живых или мертвых. Оказалось, что, напуганные взрывами, его лошади свернули с дороги и понеслись в поле. Здесь они тележным дышлом зацепились за березку и остановились, не имея возможности тронуться с места. Так их и нашел Павел Ефимович, очень обрадованный тем, что Господь сохранил не только его самого, но и коней.

Вместе со своими лошадьми Павел принимал участие в операции по форсированию Днепра осенью 1943 года, участвовал и во многих других сражениях, за что был отмечен орденами и медалями. Но по благополучном возвращении домой в Новосибирск однажды опять подвергся серьезной опасности уже в мирное время. Придя как-то раз в магазин при своем мясокомбинате, чтобы купить чего-нибудь мясного к празднику, Павел увидел, что здесь продают одни говяжьи хвосты. Будучи не очень трезв по случаю приближавшегося торжества, он стал возмущаться, что «мы до Берлина дошли, а нам тут одни хвосты дают!». Откуда ни возьмись вдруг появились два сотрудника МГБ в штатском, которые тогда повсюду отыскивали недовольных, и взяли Павла Ефимовича под руки, собираясь отвести «куда следует». К счастью, за него вступились люди в очереди, где все хорошо знали Павла Ефимовича, и сумели буквально вырвать его из рук вездесущих «органов» – иначе десять лет Колымских лагерей за выступление против советской власти ему были бы обеспечены.

Из всей близкой родни Байбородиных к концу войны в Мало-Ирменке практически никого не осталось. Павел и Алексей со своими домочадцами жили в Новосибирске, Александр и Григорий скончались, как и более старшее поколение их некогда большой семьи. Из всех родственников самой близкой здесь была Афанасия Ефимовна, родная тетя Батюшки и старшая сестра его отца, Александра. Потеряв в первые дни войны единственного сына Илью, она оставалась горячей молитвенницей за свой род и односельчан. Практически все дети в округе являлись ее крестниками, и, когда нигде нельзя было найти священника, она сама совершала над новорожденными Таинство крещения мирским чином. Духовно воспитанная руководством старцев и блаженных, без благословения которых не бралась ни за какое важное дело, Афанасия Ефимовна теперь сама укрепляла в вере своих земляков.

Батюшка со своими родственниками. Слева направо: Анастасия Максимовна, тетьа о. Наума по матери, его мама схим. Сергия и Афанасия Ефимовна (сестра папы о. Наума, которую односельчане прозвали «Афанаха – деревенский поп»). Рядом с Батюшкой дочь Афанасии Ефимовны Людмила со своим мужем Владиславом и их сыном. Шубинка. 1970-е гг.

О силе ее собственной веры свидетельствует следующий случай, имевший место уже в конце пятидесятих годов. В то время в Новосибирской области выдалось необычайно засушливое и жаркое лето, посевы и покосы сохли на корню. Тогда Афанасия Ефимовна вместе со своей подругой Ариной собрали крестный ход из верующих жителей села и пошли с молитвою в поля, где совершили молебен о дожде. Уже к вечеру того же дня на высохшую землю обрушился долгожданный ливень.

Пелагея Максимовна и отец Наум очень любили и уважали Афанасию Ефимовну и всегда навещали ее, когда появилась возможность вновь приезжать на родину. Однако в конце тридцатых годов до этого было еще далеко. Пока что возвращаться в Сибирь было и не к кому, и небезопасно. Поэтому после отъезда Павла и Алексея с их семьями в Новосибирск Пелагея Максимовна и Коля остались в Приморском крае. Пелагее удалось найти работу в городе Советская Гавань, и они вдвоем переселились туда.

В Советской Гавани

Город и бухта Советская Гавань лежат на побережье Татарского пролива Охотского моря в более чем тысяче километров к северу от Владивостока. Климат здесь намного более суровый – в советское время места эти приравнивались к районам Крайнего Севера. Зима здесь холодная и снежная, а летом прохладно и часто идут дожди, так что в иные годы лета, можно сказать, не бывает вовсе. Этот суровый край русские люди начали осваивать только в середине XIX века. В 1853 году сюда с огромным трудом добрался двадцатидвухлетний лейтенант Константин Николаевич Бошняк, участник экспедиции адмирала Г. И. Невельского. Найденная им бухта получила имя Императорская Гавань, и в ней был основан небольшой Константиновский пост, вместо которого здесь впоследствии были построены село Знаменское и еще несколько поселков. Советской назвали гавань красные партизаны в 1922 году, а новая власть утвердила это название за бухтой и городом в 1930-м.

Лежащая на берегу Тихого океана, отделенная от ближайшего к ней города Хабаровска горами Сихотэ-Алинь и сотнями километров непроходимой тайги, Советская Гавань казалась настоящим краем земли. Добраться сюда в тридцатые годы можно было только паромом из Владивостока – железную дорогу из Хабаровска проложили лишь в 1945-м каторжным трудом тысяч заключенных ГУЛАГа. В самом городе было три концентрационных лагеря, хорошо запомнившихся будущему отцу Науму.

Батюшка вспоминал, что в те годы город был застроен деревянными домами. Чтобы пройти через непролазную грязь, в которую превращались дороги и улицы после дождей, вместо тротуаров здесь были сооружены деревянные мостовые. В таком же деревянном длинном бараке они с мамой и поселились на первое время после своего прибытия в Советскую Гавань. Пелагея Максимовна нашла работу повара в столовой пригородного хозяйства совгаванского рыбацкого кооператива «Моряк», где готовила обеды для рабочих. Те вскоре очень полюбили нового повара и, приходя в столовую, спрашивали:

– Кто сегодня на кухне? Красная косынка?

Так они прозвали Пелагею Максимовну, носившую на работе красный платок по пролетарской моде того времени, чтобы не выделяться и не вызывать ненужных подозрений. Ее сменщица варила рабочим жиденький суп и резала хлеб тоненькими кусками. Пелагея же, воспитанная в семье сибирского крестьянина, старалась готовить повкусней и посытнее – стряпала наваристые борщи, хлеб резала толстыми крестьянскими ломтями. Рабочие были довольны и благодарили повараху.

В те годы Пелагея Максимовна сменила несколько мест работы в системе Дальневосточного пищеторга, о чем сохранились записи в ее трудовой книжке. Была она и пекарем хлеба в городской пекарне, и кассиром при столовой треста торгового питания на водном транспорте, и снова поваром и заведующей буфетом в Совгаванском райпо. На собственном опыте узнавшая в годы сплошной коллективизации и раскулачивания в деревне, что такое голод, когда нечем кормить детей, Пелагея Максимовна стремилась к тому, чтобы в их с Колей жизни это испытание не повторилось. Поэтому она старалась находить такую работу, которая позволила бы ей всегда иметь пищу для себя и своего сына.

Кроме того, Дальневосточный край всегда был богат рыбой. В горные речки на нерест во множестве стремятся горбуша и другие лососевые рыбы, в путину буквально устилая берега своими телами. В море стаями подходят к берегам дальневосточная корюшка и жирная тихоокеанская сельдь. Каждую осень Коля с мамой бочками солили селедку, и Батюшка потом вспоминал, какой вкусной казалась им эта рыба.

– Хорошо жили, сытно! – говорил он о годах, проведенных в Советской Гавани.

Вскоре им удалось получить участок под строительство собственного дома на окраине города, в поселке Курикша – бывшей Японской Бухте, переименованной в честь красного партизана Петра Курикши. Весь участок был занят вековыми деревьями, которые надо было срубить и вывезти собственными силами. Двенадцатилетний Коля с мамой вдвоем валили деревья, корчевали пни и сами строили свой небольшой домик. «Колька был ловкий, как кот! – вспоминал о себе в третьем лице Батюшка. – Возьмет одноручную пилу и карабкается вверх по стволам. Опилит там наверху крупные ветки, а мама их внизу собирает». «Домик построить несложно, – говорил он. – Мы с мамой всё вдвоем сделали сами. Поставили четыре пенька по углам, на них сверху стали класть бревна, потом крышу. Печку сами сложили, глиной обмазали».

Домик, построенный Колей Байбородиним и его мамой в районе бухты Курикши. Совр. вид

В этом строительстве им помогал добрый друг, которого послал одинокой матери с сыном Господь. Егор Тихонович Шелестов, полюбивший юного Колю, давал им свою лошадь, чтобы возить строевой лес, и этим очень облегчил их работу. Егор Тихонович был благочестивым крестьянином родом из-под Царицына, в советское время переименованного в Сталинград. Глубоко религиозный, он очень любил духовные книги, всю жизнь искал и читал их, успев собрать довольно большую библиотеку. Именно из-за нее его и решено было арестовать как человека, ведущего на селе «религиозную пропаганду». Однако нашлись добрые люди, успевшие предупредить Егора Тихоновича о готовившемся аресте. В одну ночь он погрузил свое духовное сокровище – книги – на телегу, взял семью и отправился в далекий путь, приведший его на самый край света – в Советскую Гавань.

Познакомившись здесь с Пелагеей Максимовной и Колей Байбородиними, он узнал в них близких по духу верующих людей, с которыми мог разделить общие интересы. Можно сказать,

что Егор Тихонович заменил Николаю отца, который так рано ушел из жизни их семьи. У Егора Тихоновича был сын, которого тоже звали Николаем, всего лишь на год старше своего тезки. Два Николая очень близко сдружились и стали друг для друга словно бы родными братьями. Кроме Коли в семье Егора Тихоновича была еще младшая дочь Раиса 1930 года рождения. Человек добрый и душевный, Егор Тихонович во всем старался помочь и поддержать таких же, как он, беженцев от гонений новой власти. В его лице одинокие мама с сыном нашли духовного друга и доброго советчика. И что особенно важно, Егор Тихонович делился с ними своей драгоценной библиотекой, давая из нее Коле книги для чтения.

В это время происходило духовное созревание Николая, в сложные отроческие годы закладывался фундамент его будущей духовной жизни и мировоззрения. Заканчивалась объявленная в СССР «безбожная пятилетка», к концу которой само слово «Бог» должно было быть забыто на всем пространстве страны «победившего атеизма». Храмы, за малым исключением, были закрыты и либо разрушены, либо превращены в клубы, склады и прочие государственные учреждения. Ни во Владивостоке, ни тем более в Советской Гавани не осталось ни одного действующего храма. Священника здесь можно было встретить только в каком-либо из исправительно-трудовых лагерей, где их было множество – но по другую сторону заграждений из колючей проволоки.

В таких обстоятельствах единственным духовным наставником для юного Николая стала его верующая мама. Она всеми силами старалась воспитать в благочестии свое единственное вымоленное дитя. Будучи человеком прямым и даже строгим, Пелагея Максимовна держала Колю в ежовых рукавицах, с детства приучая к полному послушанию и ответственности за свои поступки. За любые шалости и проступки мальчика ждал от матери строгий выговор, и потому Коля рос очень послушным и серьезным, а любовь к маме – единственному близкому человеку на земле – заставляла его бояться чем-нибудь огорчить ее.

Еще в раннем детстве, когда маленький Коля жил в сибирской деревне вместе с мамой и бабушкой, проявилась его особенная духовная одаренность. Уже младенцем его волновали вопросы спасения души и вечной жизни. Сам Батюшка однажды рассказывал об этом своим духовным чадам, как всегда упоминая о себе в третьем лице, словно о другом человеке.

«Был один мальчик лет шести, – вспоминал Старец. – Он все приставал к бабушке и маме с вопросом:

– А где ад?

Но те ничего не могли сказать. А как-то рано утром прибегает в комнату, где спала бабушка, и кричит:

– Ну что же ты спишь! Там же люди!

– Где? – удивляется бабушка.

– В аду люди! Я видел Матерь Божию! Она повела рукой, и земля расступилась. И я сам видел, как там много людей и как они страдают. Вставай, бабушка, не спи! Молиться надо!»²⁸

Этим видением в ребенке уже тогда был предуказан будущий молитвенник за погибающие человеческие души, заложено направление его подвижнического пути.

Тем не менее в годы отрочества Коля оставался бойким и любознательным мальчишкой, успешно учился в школе и старался особо не выделяться среди других детей своим благочестием, что в те времена, конечно, было бы очень небезопасно. Но, чтобы заложенная с детства вера не выветрилась в ребенке с годами под влиянием светского окружения и в отсутствие церковной жизни, Пелагея Максимовна с двенадцати лет стала приучать сына к занятиям Иисусовой молитвой. Николай очень полюбил эту молитву, быстро привившуюся к чистому детскому сердцу и скоро принесшую ощутимые плоды. Даже внешне он тогда заметно изменился

²⁸ Ксения (Зайцева), игум. Блажен муж... Коломна: Изд-во Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря, 2018. С. 75–76.

– взгляд мальчика стал более глубоким и сосредоточенным, словно бы обращенным внутрь самого себя, в сердце. На всю последующую жизнь Иисусова молитва стала крепкой основой всей духовной жизни отца Наума.

Лишенные возможности посещать церковь, Николай и его мама молились вместе дома или собирались для общей молитвы в доме Шелестовых. Эти собрания были смертельно опасными – если бы о них узнал кто-нибудь посторонний и донес в органы госбезопасности, то по тем временам такая общая молитва могла быть расценена как антисоветское собрание. Те же, кто принимал в ней участие, рисковали быть осужденными как члены подрывной анти-советской организации. В этом случае их ждали бы годы заключения в Колымских исправительно-трудовых лагерях. Но семьи Шелестовых и Байбородиных доверяли друг другу, чувствуя близких по духу и вере людей.

Коля Байбородин. Советская Гавань. Ок. 1939 г.

У Шелестовых будущий Старец открыл для себя сокровища духовной литературы – Священное Писание, жития святых, патерики и сочинения святых отцов, которые Егор Тихонович позволял своим друзьям брать из его библиотеки на дом. Сама будучи малограмотной, Пелагея Максимовна заимствовала у Шелестова книги для своего сына, который очень полюбил это чтение. «Мама уйдет на работу, – вспоминал Батюшка, – а сама оставит мне книги. И я сижу дома и читаю. Очень я тогда полюбил чтение Священного Писания и житий святых».

Тогда же отец Наум самостоятельно освоил и чтение на церковнославянском языке, о чем сам позднее рассказывал в одной из своих проповедей-бесед: «Один человек вспоминал: когда он был юношей, лет шестьдесят-семьдесят назад, не знал он еще Евангелия. В то суровое время таких книг и нельзя было иметь, считались врагами народа, кто крест носил, иконы имел. Его мама попросила у соседа книгу, положила в ведро, прикрыла и так принесла домой. Это оказалась книга святителя Кирилла, патриарха Иерусалимского. Да только открыл он ее, а там всё послavianски. Цифр не было, ничего не мог понять. И стал разбираться. Некоторые славянские буквы похожи на русские. На месте, где обозначают номер страницы, стоят тоже славянские буквы, значит, ими обозначаются цифры. За несколько дней он разобрался, составил себе как бы азбуку, стал читать. Потом смог понять, как рассчитывать Пасху, и определил, когда будет Пасха в тот год. То есть у кого есть желание, трудолюбие, пусть не страшится: двух-трех дней достаточно, чтобы понять славянский язык»²⁹.

Батюшка всю жизнь был благодарен Шелестовым за их любовь и поддержку. Уже из Троице-Сергиевой Лавры он посылал другу детства Коле Библию и другие духовные книги, словно стараясь вернуть долг, ту духовную милостыню, которую он сам получал в семье Егора Тихоновича. После войны жизнь надолго разлучила их, и, когда Батюшка, спустя много лет, вновь смог отыскать Николая Егоровича, тот уже был парализован и лежал на смертном одре. Но, когда ему сказали, что пришло письмо от его старого друга, у него от радости просияли глаза. До конца своих дней Батюшка продолжал молиться за друзей своей юности – семью Шелестовых.

²⁹ Поминайте наставников ваших. Архимандрит Троице-Сергиевой лавры Наум (Байбородин) в воспоминаниях современников. М.: Сибирская Благовонница, 2019. С. 108.

Переезд в Киргизию

Мудрый Егор Тихонович успел оказать своим друзьям еще одно благодеяние, на этот раз вовремя данным добрым советом. Еще в 1939 году, когда Германия напала на Польшу, а Советский Союз занял ее восточные территории, Егор Тихонович понял, что скоро будет большая война. Отчески привязанный к Николаю, он сказал Пелагее Максимовне:

– Смотри, начинается война. Ты Колю после школы отдай в военное училище. Пока он будет там учиться, будет считаться, что он служит в армии. А когда закончит – глядишь, и война уже скоро кончится.

Этот совет оказался как нельзя кстати, показав, насколько проницательным, даже прозорливым человеком был простой верующий крестьянин Егор Тихонович Шелестов. Действительно, меньше чем через два года после сказанных им слов Великая война добралась и до Русской земли. Ее страшные сражения ежедневно уносили сотни и тысячи жизней. Миллионы солдат и командиров оказались во вражеском плену уже в ее первые месяцы, многие погибли в первом же бою. Молодой лейтенант, окончивший краткие трехмесячные курсы красных командиров, успевал провести на передовой в среднем не больше недели, прежде чем погибал, и на его место направляли нового. Не дольше была на передовой и жизнь простого солдата. В страшном жерле войны гибли молодые воины, еще вчера только окончившие среднюю школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.